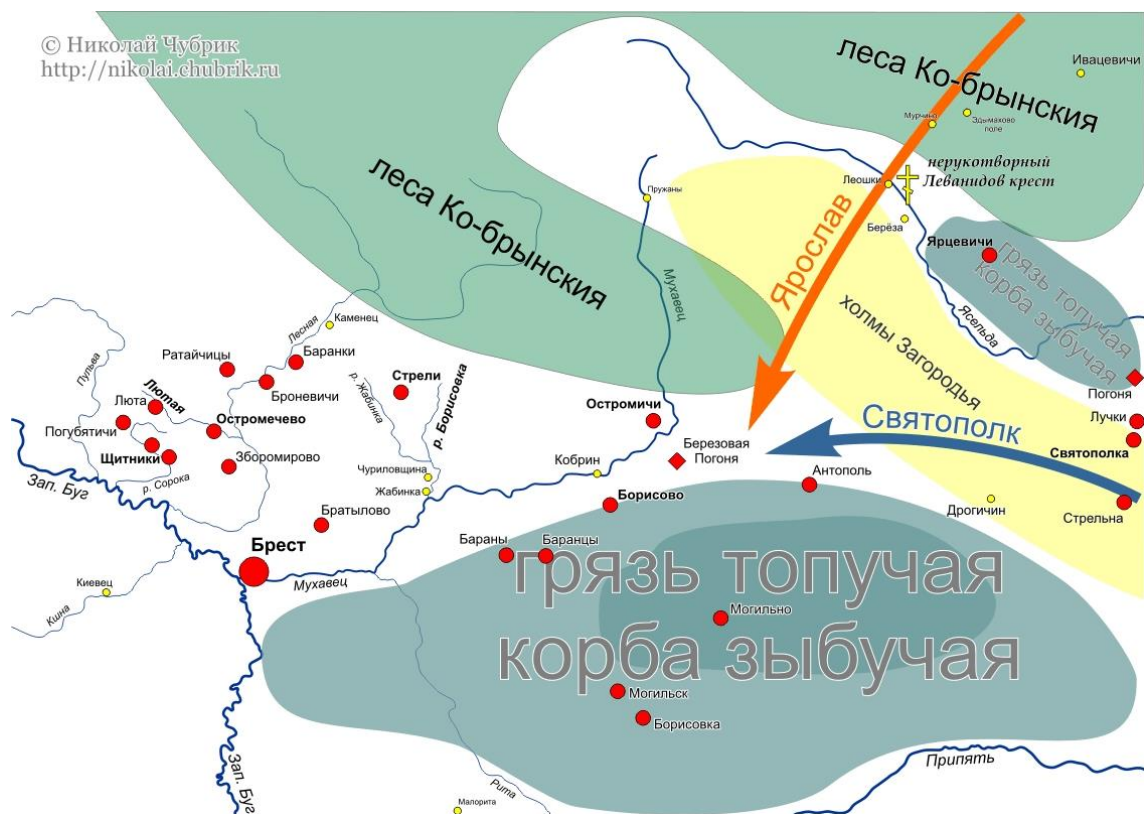

Летопись древнерусских топонимов

У белорусской топонимии имеется весьма примечательная особенность, её объекты зачастую не являются независимыми друг от друга. Их названия при этом оказываются и взаимосвязанными, и взаимообусловленными, составляя некий единый комплекс, а иногда и сюжет известных исторических или мифологических событий. Некоторые из подобных сюжетов были приведены в авторской работе «[Тернистый путь русских былин](#)», где с опорой на языческие группы топонимов была проведена реконструкция маршрута былинного героя Ильи Муромца на Киев. Былины сообщают достаточно много деталей того пути, однако до недавнего времени его реконструированные варианты нельзя было даже нанести на карту, ввиду абсолютной их не реалистичности, либо явного несоответствия тексту былин. Полученная реконструкция оказалась очень близка к тексту и содержала все необходимые детали в нужной последовательности и нужной удалённости друг от друга. Сам по себе такой маршрут интересен уже тем, что оказался первым конкретным, полностью соответствующим тексту источников и к тому же вполне рациональным для реального похода. Однако он резко противоречит сложившейся точке зрения о статусе белорусских земель в составе Киевской Руси. Более того, проведённая реконструкция былинного похода выводила на место гибели святого князя Бориса и произошедшую там битву его братьев, князей Ярослава Мудрого и Святополка Окаянного. Место это оказалось просто выложенным яркими топонимами, говорящими о великой битве недалеко от Бреста.

Битва Ярослава со Святополком в топонимах

Русская летопись как раз и упоминает Брест в связи с этой битвой, но её местом традиционно считается восточный берег Днепра рядом с Киевом у рек Альта и Трубеж. Никаких топонимических или иных следов схватки там не найдено, но сомнению это место никогда не подвергалось. Перенос же его к Бресту, пусть и делал описание битвы более логичным и реалистическим, но приводил к совершенно скандальному выводу о том, что князь Ярослав шёл на битву не из Великого Новгорода, а из Новогрудка. И хотя ни одна из

летописей не указывает местом княжения Ярослава конкретно Великий Новгород, а Новогородов на Руси целых пять, и несмотря на то, что польский хронист Стрыйковский со ссылкой на труды Длугоша указывал местом княжения ещё Владимира Святославовича конкретно Новогрудок, никто не подвергал сомнению великокняжеский статус Новгорода. Новогрудок же всегда считался мелким и достаточно поздним провинциальным городком Киевской Руси.

Такое серьёзное противоречие в реконструкции означало одно из двух, либо вся эта великолепная цепочка топонимов и маршрут богатыря ложны, а все совпадения чисто случайны, либо должны быть найдены явные следы великокняжеского стола в Новогрудке. Без таких следов какое-либо обсуждение полученных результатов оказалось просто невозможным, поскольку абсурдность выводов кажется самоочевидной. В то же время столь потрясающий букет топонимов, связанных с былинами, летописями и мифологией означает, что будь великокняжеский стол в Новогрудке, он просто не мог остаться без подобных ярких следов. И если их там не окажется, то все рассуждения и выводы, на тех топонимических букетах основанные, потеряют всю убедительность. Ведь не может же топонимия одной и той же местности фиксировать столь важные детали выборочно. Уж великий князь-то должен был в них остаться, да и княжеское окружение тоже.

Сама по себе такая фиксация событий, явление для науки новое, и если оно действительно имеет место, то не может ограничиваться лишь эпизодическим и локальным проявлением. Оно или есть везде, или его нет вовсе. Но если наши предки действительно фиксировали важнейшие события и верования названиями взаимосвязанных топонимов, то можно говорить о новом виде письменности, ранее нам не известной.

Поиску следов такой письменности в отношении великого княжения в Новогрудке и посвящена эта работа.

Дудутки

Собственно, подозрения на то, что под летописным Новогородом иногда скрывается всё-таки Новогрудок, не раз посещали исследователей. Ведь в 1067-68 гг. полоцкий князь Всеслав, захватив Новгород и разграбив святую Софию, был на обратном пути перехвачен почему-то под Минском, на Немиге. Это как раз на полпути из Новогрудка, но никак не из Новгорода. Ещё его отец Брячислав совершал подобные набеги и угонял полоны из Новгорода в Полоцк. Тогда войска князя Ярослава, выйдя из Киева, уже на седьмой день перехватили налётчиков у некоей реки Судмири и вернули угнанных людей домой. На нелепость ситуации обращал внимание ещё Татищев. Он же первым назвал Новогрудок в качестве возможного варианта трактовки. Однако для привязки этих событий к Новогрудку явно не хватало аргументов.

В качестве этой непонятной Судмири ещё со времён Карамзина принимается река Судома у Пскова. Семидневный переход киевских войск на такое расстояние считается летописным преувеличением. Некоторые считают, что 7 дней длилось само преследование Брячислава, а в летописи отражено неверно. Ну а в отношении перехвата Всеслава под Минском наиболее популярна версия, что братья Ярославичи вообще не стали перехватывать полоцкого грабителя с бесценным имуществом, а просто в отместку сожгли Минск. Битва на Немиге в этом случае выглядит уже не перехватом награбленного и наказанием грабителя, а банальным разбоем киевских князей.

Такая трактовка пришлась по душе и тем исследователям, которые кинулись искать отдельные корни белорусской истории, с остальной Русью мало связанной. Для подобных теорий полоцкие смутьяны оказались очень удобными героями и даже невинными жертвами. Белорусскую государственность в них предпочитают выводить от полоцкого князя Рогволода. Брячислав и Всеслав становятся славными продолжателями его рода, а князь Владимир подаётся как захватчик и насильник. Между тем Брячислав приходится внуком по мужской линии как раз Владимиру. Рогволod ему прадед по женской линии. И история вторжения Владимира в Полоцк связана вовсе не с коварностью русского князя. Владимир и его брат

Ярополк вступили в борьбу за великокняжеский стол в Киеве. Полоцкий князь встал на сторону Ярополка. Пытаясь изменить ситуацию, Владимир посватался к его дочери, но получил отказ в резкой и оскорбительной форме. Таким образом, у князя Владимира оказалось сразу два серьёзных противника. Не дожидаясь объединения враждебных сил, он разбил их поодиночке.

Для авторов про-полоцких теорий грабительские налёты Брячислава, а позже и Всеслава на Новгород, это чуть ли не национально-освободительная борьба белорусского народа против оккупантов. А подлинным расцветом нашей государственности подаётся эпоха ВКЛ. Даже корни белорусского народа предлагается искать не среди славян, а у балтов. «Белорусы — это славянизированные балты», так звучит эта формула. А Русь оказывается извечным врагом и губителем местной самобытности. Подобная точка зрения проталкивается не просто активно, но даже агрессивно. Впрочем, цели и результаты подобных исторических переосмыслений мы уже сегодня можем наблюдать у наших южных соседей. Несложно догадаться, кто и зачем проталкивает подобные теории у нас.

Возвращаясь к битве на Немиге, заметим, что версия ответного киевского разбоя выглядит нелепо. Ведь если в своё время Ярослав успел перехватить Брячислава с награбленным добром аж под Псковом, то Ярославичам явно следовало тоже идти прямо на Полоцк. Всеслав возвращался с большим и ценным грузом, он вёз колокола и паникадила разграбленной им новгородской Софии и наверняка большое количество другого добра. Его можно было перехватить либо севернее Полоцка, либо просто взять сам Полоцк, оставшийся без князя и дружины. В последнем случае Всеславу стало бы просто некуда везти награбленное. Но Ярославичи идут на Минск, якобы лишь разорить полоцкие владения. Правда была [предложена](#) и другая версия, что Всеслав эти колокола не в Полоцк вёз, а как раз в Минск. Только ничем она не подтверждается, а Софию Всеслав всё же в Полоцке построил.

В Ипатьевской летописи об этом событии:

«В [лѣто 6575](#) (1067 г.). Заратися Всеславъ, сынъ Брячьславль, Полотъский, и зая Новъгородъ. Ярославичи же трие — Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, — совокупивше воя, **идоша на Всеслава**, зимѣ суци велицѣ. И придоша къ Мѣньску, и мѣнянѣ затворишася въ градѣ. Си же братья взяша Мѣнескъ, исъсѣкоша мужи, а жены и дѣти взяша на щиты, и поидоша **къ Немизѣ, и Всеславъ поиде противу**. И совокупившеся обои на Немизѣ, мѣсяца марта въ 3 день. И бяше снѣгъ великъ. И поидоша противу собѣ, и бысть съча зла, падоша мнозѣ, и одолѣ Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, а Всеславъ бѣжа».

Заметим, Ярославичи идут «на Всеслава», но тот безобразничает в Новгороде, а их поход совсем в другую сторону.

В Новгородской летописи старшего извода сказано чуть иначе [\[1, 2\]](#):

«Въ лѣто 6574 [1066]. Приде Всѣславъ и възя Новъгородъ, съ женами и съ дѣтми; и **колоколы** съима у святыя Софие. О, велика бяше бѣда въ час тыи; и **понекадила** съима».

«Въ лѣто 6575 [1067]. Побѣдиша Всѣслава на Немизѣ. Томъ же лѣтѣ яша и на Рши».

Есть этот сюжет и в «Слове о полку Игореве»:

«[На седьмом вѣце](#) Трояни врьже Всеслав жребий о девицю себе любу. Той клюками подпрѣся, оконися и скочи к граду Киеву, и дотчеса стружием злата стола Киевскаго. Скочи от них лютым зверем в полночи из Белаграда, обесися сине мыгле; утрѣ же вознзи стрикусы, отвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу, скочи волком **до Немиги с Дудуток**. На Немизе снопы стелют головами, молотят чеши харалужными, на тоце живот кладут, веют душу от тела. Немизе кровави брезе не бологом бяхуть посеяни — посеяни костями русских сынов».

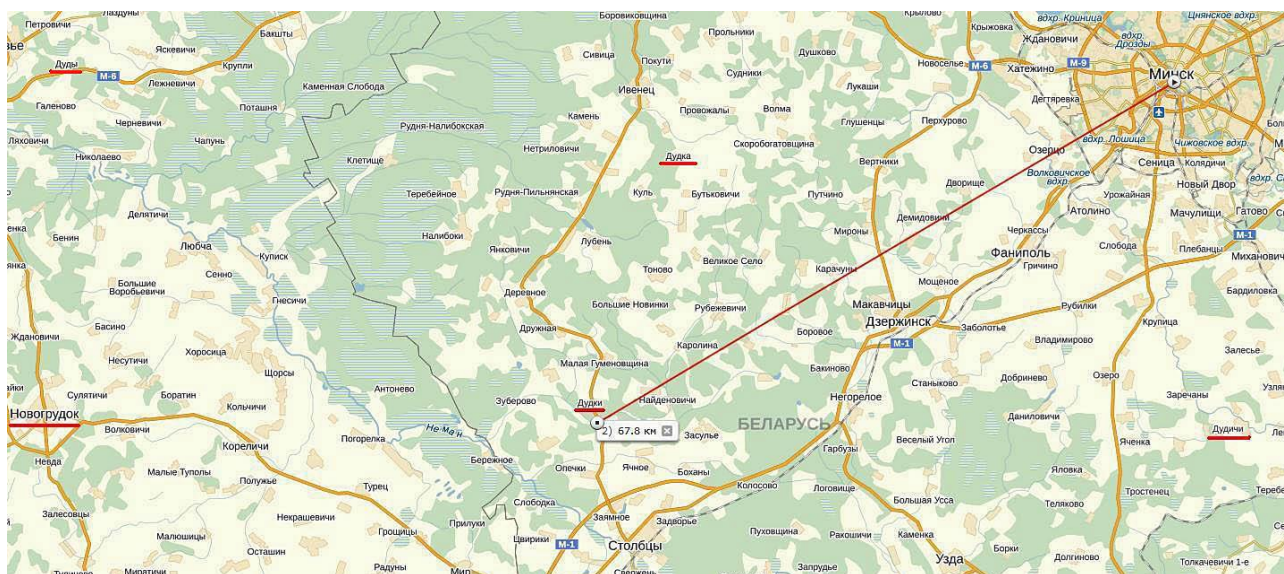
Здесь появляется ещё один ориентир для реконструкции событий. Это некие Дудутки, откуда ринулся в атаку на киевских князей Всеслав. Понятное дело, если он грабил Новгород Великий, то где-то рядом и следует искать те Дудутки. Собственно, так и поступили:

«Все без исключения комментаторы и переводчики „Слова“ повторяют в данном случае мнение... Карамзина, что Дудutki — местечко близ Новгорода...»

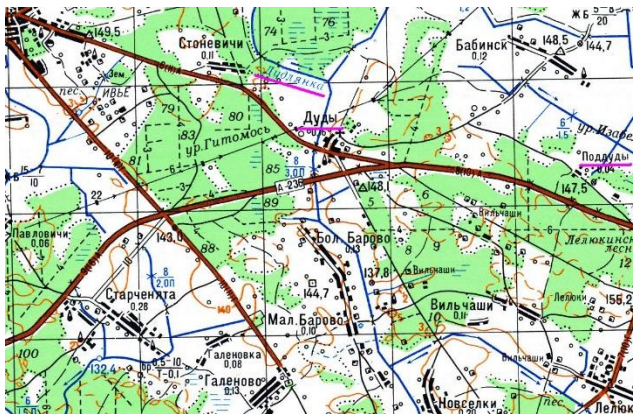
«В первом томе „Словаря“ Ходаковского в гнезде Дуда собрано около сорока названий типа Дудичи, Дуды, Дудки. Среди них — названия селений, монастырей, ручьёв и даже мельниц. **Однако все они удалены от Новгорода территориально...**»

Выяснилось, что вблизи Новгорода таких топонимов нет. Их, оказывается, даже выдумывать пытались, но подлог всплыл. Указанного Карамзиным монастыря «на Дудутках» никогда не существовало. Тогда И. Д. Беляев отождествил Дудutki «Слова» с нынешним селением Дудичи, расположенным к югу от Минска. Этот вариант и стал наиболее известным. Но и в этом случае совершенно непонятно, почему Всеслав бросается на Немигу вовсе не из Новгорода и не с Полоцка, а с тех самых Дудуток под Минском. Как он туда попал? Почему автор «Слова» говорит об этом ничтожном отрезке, оставив без внимания весь остальной многократно больший путь? К тому же Всеслав двигается на Минск с севера, а названные Беляевым Дудичи находятся южнее Минска.

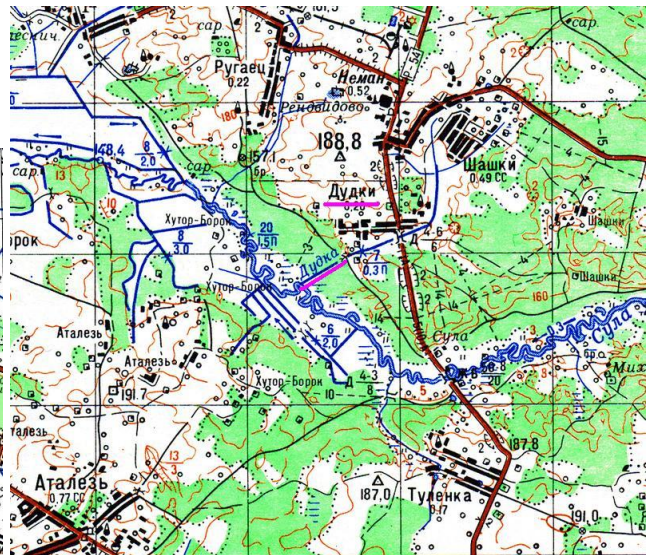
Как видим, привязка событий к Великому Новгороду приводит к целому букету парадоксов. Странными выглядят маршруты передвижения как киевских князей, так Всеслава. Поход Ярославичей на Минск, когда Всеслав грабит Новгород, выглядит неадекватным ситуации. Столь же странно выглядит и поведение самого Всеслава. Ведь уже ограбил Новгород, захватил богатую добычу, теперь бежать домой, и закрыться с ней за стенами. Зачем же бросаться на превосходящего врага за 600 вёрст. Непонятна и судьба богатейшей добычи, ведь везти её в Полоцк было уже некогда и некому. И в Дудutki ему никак раньше Немиги не попасть. А вот если Всеслав ходил на Новогрудок, то не остаётся никаких противоречий. Перехват его под Минском как раз самое логичное решение для Ярославичей. Всеславу тут и от схватки не уйти, и добро не увезти. Причём как ни пойдё Всеслав на Минск, мимо Дудуток ему не пройти. Ведь, в отличие от Новгорода, в Белоруссии подобных топонимов множество.

От Новогрудка на Немигу мимо Дудуток не пройти

Севернее Новогрудка

Восточнее Новогрудка

Гардарики

Впрочем, все рассуждения о логичности и нелогичности действий князей едва ли могут кого-то переубедить, ведь никаких прямых свидетельств не найдено. А представление относительно обоснованности или необоснованности у каждого из исследователей своё. Если всё же предположить, что рассмотренные события связаны с Новогрудком, а не с Великим Новгородом, то это несомненно потребует более обстоятельного обоснования. В конце концов, все нестыковки ведь могут быть объяснены неточностями летописи, а топонимический букет у Бреста простой случайностью. Стоит ли из-за красивой карты топонимов и давно известных проблем трактовки летописи ломать всё здание сложнейшей теории, выстроенной трудом многих поколений авторитетнейших историков?

Строго говоря, стоит. Ради неё же самой стоит. Если факты позволяют выстроить несколько теорий, объясняющих одни и те же события, то правильным было бы построить все эти теории и сравнить их между собой, а не заматывать под коврик проблемы ради торжества принятой точки зрения. Ошибочная теория очень быстро приведёт к неразрешимым противоречиям и будет отброшена, тем самым укрепив авторитет основной. Если же теория окажется верна, то она, несомненно, даст ниточки для дальнейших исследований и результатов. Работоспособность как раз один из главнейших критериев правильности теории. Именно этим и будем руководствоваться.

Если предположить, что свидетельство Стрыйковского о княжении Владимира Святославовича в Новогрудке соответствует истине, и яркая карта топонимов у Бреста действительно запечатлела историческую битву, то тогда на карте должны присутствовать и другие топонимические следы, как самих князей, так и связанных с ними исторических событий. Если посёлок Заславль под Минском связывают с полоцким князем Изяславом, так почему бы не остаться аналогичным топонимическим следам от Ярослава и Владимира. А если нет таких следов, то и самих князей наверняка здесь не было.

Попробуем перечислить вкратце основные имена и события, которые могли бы так или иначе быть отражены в топонимах у Новгорода или же у Новогрудка:

1. Князь Владимир оказался в Новгороде по рекомендации воеводы Добрыни. Он приходился Добрыне племянником, а мать Владимира Малуша, была Добрыне сестрой. Их отцом был некий Малко Любчанин.
2. Сын Владимира князь Ярослав был хромым. Правая его нога была длиннее левой. Летописи его называют «хромцом».
3. После захвата первой жены Ярослава ляхами, он женился на дочери шведского короля Ингигерде. Это произошло незадолго до той битвы, что нарисована топонимами под Брестом.

4. На службе у Владимира и Ярослава состояли шведы. Известна сага об Эймунде, нанявшемся на службу к Ярославу накануне его битвы со Святополком. Известен [Сигурд Эйриксон](#), собиравший дань во всём княжестве Владимира. Многие другие шведские наёмники имели похожие фамилии.

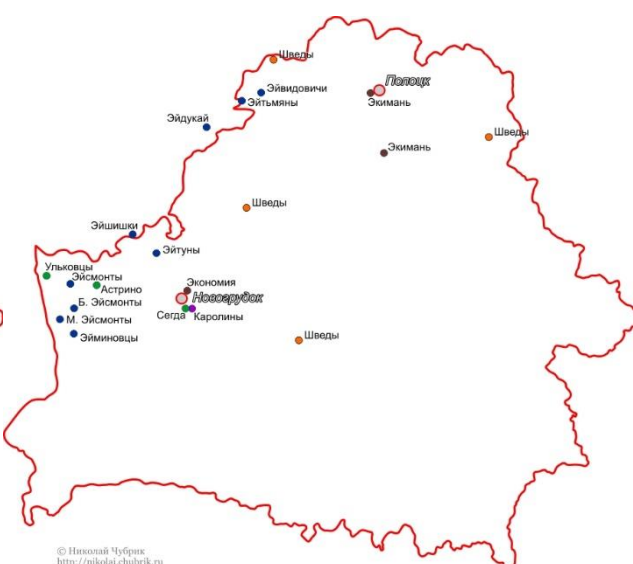
6. Верным варягом Ярослава был некий князь Якун, имевший золочёный то ли плащ, то ли маску — «луды златое». Он позже потерял его в жестокой ночной битве с северянами Мстислава.

Однако, прежде, чем делать серьёзные выводы из этих следов, было бы полезно оценить их общую расстановку на карте. Для этого удобно воспользоваться доступными в сети картами [3, 4, 5, 6] и [таблицей](#) топонимов. Одно дело, если топонимов таких мало, и все они прямо у Новогрудка и находятся, совсем другое, если на карте их везде полно. Вот и посмотрим сначала общую картину:

Имя князя Ярослава на карте Белоруссии

6

Довольно кучно на карте расположены топонимы типа «хромец», как именовали Ярослава. Они жмутся к северо-западу. Точно так же расположены и топонимы «эй». Топоним Сёгда уникален и больше в Белоруссии не повторяется. Всевозможных «королей» на карте много, и Каролины нанесены лишь потому, что с Сёгдой практически сливаются. Любопытная деталь, в Белоруссии встречается фамилия Эйсмонт. Она, как считается, имеет шведские корни. Тем не менее, в самой Швеции её нет и она характерна лишь для западной Белоруссии и Польши. В 28 книге «Метрики ВКЛ» в связке с моей деревней Забердово названы некие Ейдишки. Деревня эта сегодня не существует, и корректно нанести её на карту мы не можем, но, судя по контексту, располагалась она тоже недалеко от Новогрудка. Уникальными на карте являются и топонимы Ульковцы и Острино. Топонимы «уль» есть во множестве, но это либо Ульяновки, либо Вульки. Для «астри» и «остри» есть только один топоним, в местном произношении он звучит как Астрыно⁹. Но ещё интереснее топонимы, связанные с именем Герда и Якун. Они, оказывается есть, и тяготеют явно к Новогрудку. Более того, рядом с Якуном мы видим и его «луды златое». Прямо как на заказ:

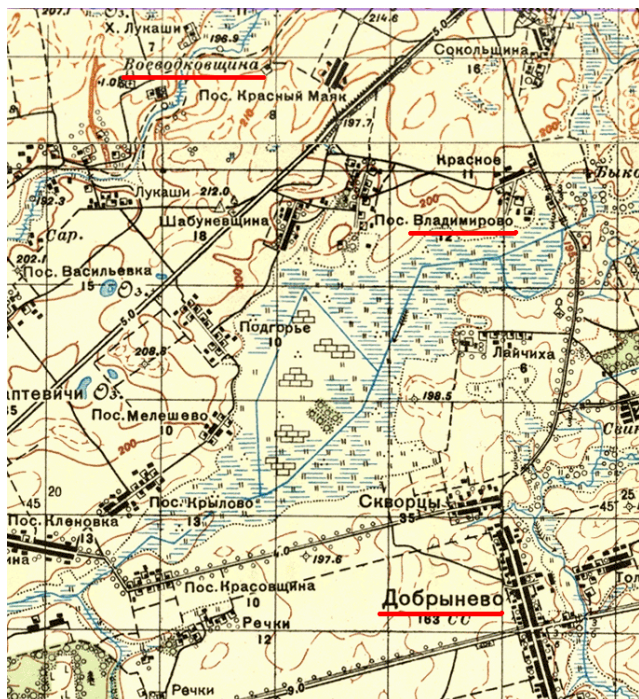

Вот теперь, увидев картину в целом, самое время посмотреть её у Новогрудка. Какая она в совокупности:

Гардарики в топонимах Новогрудчины

Картина получилась впечатляющая. Князь Владимир присутствует вместе со своим воеводой Добрыней. Причём Добрынево, Владимирово и урочище Воеводковщина оказались вплотную друг с другом:

Князь Владимир с воеводой Добрыней

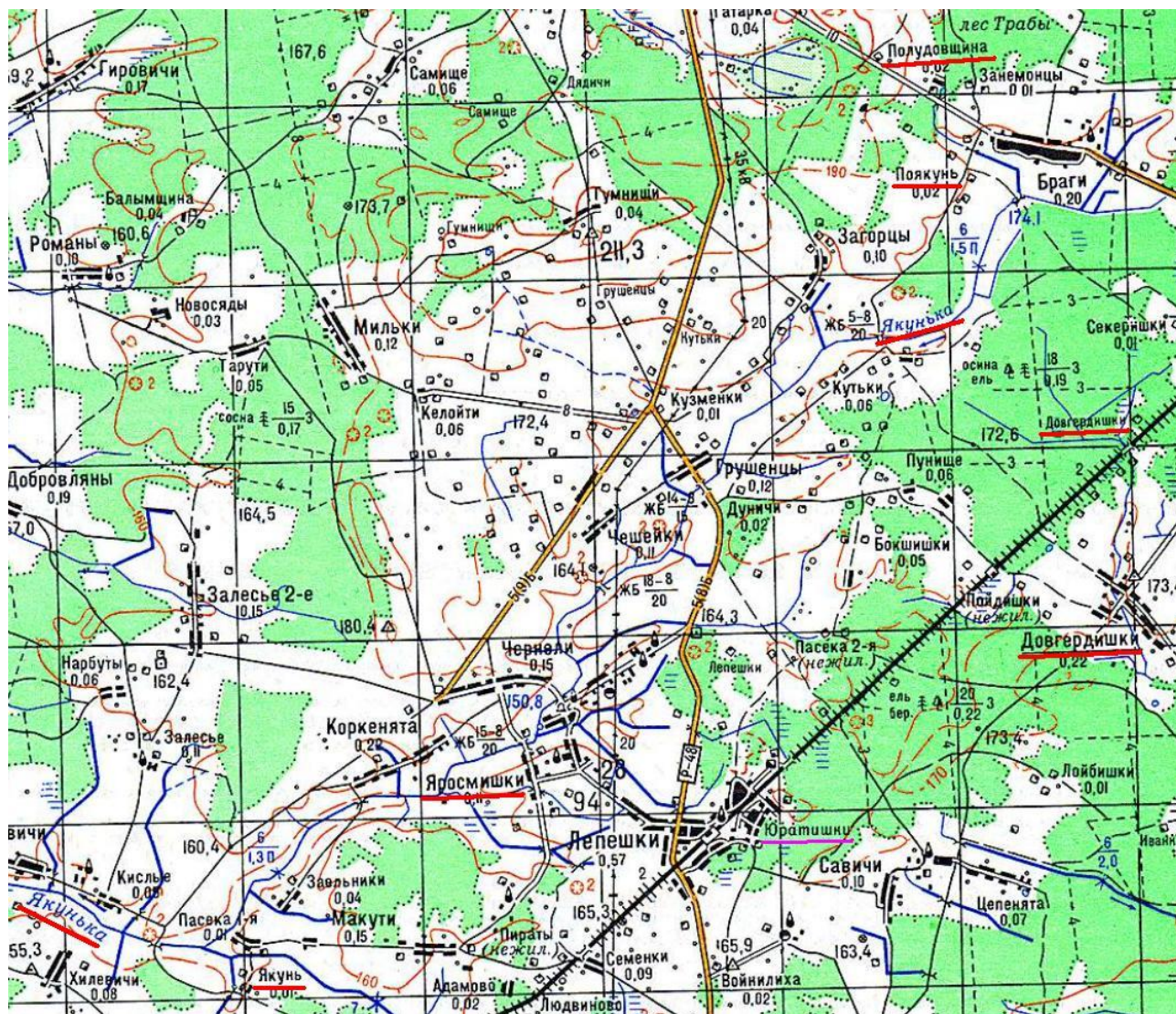
Малуша на карте РККА 1936 г.

Западнее князя и Добрыни расположилась Малуша, и та Любча, откуда родом её отец Малко Любчанин. К слову, кличка Малко и сегодня присутствует в этой местности, в частности в Сёгде. Где-то здесь Святослав скорее всего и познакомился с Малушей, ведь по сведениям византийского императора он первоначально правил в некоем Немогарде, очевидно всё том же Новгороде:

«[Да будет известно], что приходящие из внешней России в Константинополь моноksилы являются одни из **Немогарда, в котором сидел Сфендослав, сын Ингора, архонта России...**»

Сама Сёгда явно походит на того Сигурда Эйриксона, пользовавшегося особым доверием князя Владимира. Имя Сигурд иногда записывают и как Сегурд. Встречается, например, вариант написания «Сегурд Оттович Шмидт», известен биолог Браун-Сегурд.

Особенно же примечательно соседство двух деревень с названиями Гердовка и Кривоногово, т. е. княгиня Герда и кривоногий князь Ярослав. Чуть севернее ещё пара Ярославичи и Довгердишки рядом. Учитывая, что имя Герда у нас вообще не встречается, такое соседство впечатляет. Якун со своим «луды» тоже оказался рядом:

Ярослав, Герда, Якун и его «луды»

У Великого Новгорода не оказалось даже малой части подобных топонимов, а здесь они как на витрине, целый букет и просто до неправдоподобия ярких. И хотя по топонимии Белоруссии написана не одна книга, все эти яркие соответствия оставались попросту не замеченными. Впрочем, это и не удивительно, ведь княжеские следы здесь никто искать и не

пытался. А если бы кто и стал, то понимания коллег не нашёл бы. Следам этим не здесь быть полагается.

Вот где, значит, оказались воспетые в скандинавских сагах Гардарики, а в нашем сознании они давно и прочно связаны с Новгородом и Ладогой. Топонимов типа «город» в Белоруссии свыше двухсот. Это и сам Новгород, рядом во множестве и Городечно, и Городище, и Городея, и Гродно, и Городок, и даже Огородники. И если в качестве Хольмгарда привычно выступает местный Новгород, то в роли Альдейгьюборга неожиданно предстаёт Гродно. Идентификация Ладоги в этом качестве основана лишь на том, что через неё лежит путь в Новгород, а название имеет сходство с Альдейгьюборгом и может быть получено из него через метатезу, т. е. перестановку звуков. Да и следов пребывания шведов там достаточно.

Однако, с другой стороны, наличие шведских следов вблизи самой Швеции в любом случае ожидаемо и доказательство довольно слабое. Сходство названий тоже может быть и случайным и иметь другие причины. Можно представить себе перенос одного или нескольких названий на новое место в связи с историческими событиями. Ушли под ударами судьбы некогда люди с насиженных мест в более тихие, и названия с собой унесли. Был Йорк, стал Нью-Йорк и т. п. Северные земли как раз и были более тихими и уютными. Туда не добралась ни Орда, ни Литва. Именно туда перекочевали и там сохранились русские былины, причём как раз из этих мест под Новогрудком. И лингвисты на схожесть диалектов внимание обращают. А вот предположить обратный переход и перенос названий никак не получится. Не знаем мы таких событий, чтобы люди с севера на белорусские земли бежали. А ещё им пришлось бы слишком много названий уносить и на старом месте беспричинно их забывать.

Потому этот букет топонимов как штамп в паспорте, его никак не интерпретируешь по-другому. Вот найдём мы, к примеру, в древнем кургане из вещей лишь франкский клинок с привычным клеймом «Ulfbert», и можем объяснять это по-разному. Можно говорить о присутствии в этих местах франков. Можно заявить, что это захоронение скандинавского воина, а у них мечи франкские. Можем утверждать, что это балтские славяне у нас побывали, а они с теми франками соседи. А можем ведь настаивать и на том, что местные богатыри были вооружены прекрасным европейским оружием. Подобные находки ведь не говорят о том, на каком языке разговаривал их владелец. Топонимы же, как раз это нам и говорят. В этом их главное достоинство.

Утерянное луды

И всё же не будем делать опрометчивые и слишком категоричные выводы. Может мы просто не замечаем что-то очень важное и всё объясняющее. Найденные ранее следы язычества, былин и летописей, несомненно, требовали более глубокого обоснования, но теперь ситуация стала ещё более вызывающей. Сначала языческие топонимы вывели нас на былинные события, затем уже былины привели прямо к следам летописной битвы под Брестом. Эта битва указывала на великокняжеский стол в Новогрудке, это же утверждал и Стрыйковский. Теперь под Новогрудком найден ярчайший букет топонимов всё это подтверждающий.

Каждый наш топоним в отдельности весьма уязвим, их сила проявляется именно в совокупности, в том, что они образуют яркий и убедительный сюжет, прямо перекликающийся с источниками. Но там, где этим историческим событиям полагается быть, как назло, нет ни отдельных топонимов, приличествующих месту, ни тем более, подобных сюжетов. Уже одно это становится мощным аргументом в пользу правоты столь скандальных выводов.

И всё же, пусть Ярослав и Герда остались на карте, пусть князь Якун рядом с Ярославом, пусть Владимир с Добрыней и Малушей, пусть Сигурд, Ульв и Астрид оставили свои следы. Но чтобы некий плащ или маска Якуна «луды златое» были запечатлены наравне с князьями?! Может быть, разыгравшееся воображение автора способно найти такие сюжеты везде, где захочется. Внимательнее посмотрим на те Луды да Лудчицы.

Сначала вспомним, при каких обстоятельствах наши «луды» упоминаются в летописи. Через пять лет после той победы Ярослава над Святополком Окаянным, что осталась в топонимах под Брестом, возник спор о власти с другим братом, Мстиславом. Тот правил в Тмутаракани, да вдруг решил занять Киев. Ярослав оставался всё в том же Новгороде, но киевляне Мстислава не приняли. Он тогда занял Чернигов, а Ярослав выступил походом на брата. Встреча княжеских дружин произошла у некоего Листьвна, а неподалёку от Чернигова как раз есть два похожих топонима.

Предполагается, что Ярослав пришёл к Чернигову от Новгорода, преодолев около 800 км, а Мстислав встретил его в 30 км от Чернигова под Малым Лиственом. С Ярославом шли варяги во главе с варяжским князем Якуном, которого и украшала непонятная вытканная золотом деталь одежды. Мстислав же выступил с северянами. Войска встретились вечером, а сама эта битва произошла ночью во время сильной грозы и при свете молний. Убегая, разбитый Якун и потерял своё «луды златое». После битвы братья помирились и разделили власть. Вскоре у Ярослава в Новгороде родился сын Изяслав.

В Ипатьевской летописи событие описано так:

«[В лѣто 6532](#) (1024). Ярославу сущю в Новѣгородѣ, приде Мьстиславъ ис Тьмуторокана Киеву, и не прияша его кыянѣ. Онъ же сѣде на столѣ Черниговѣ, Ярославу сущю в Новѣгородѣ тогда.

[...]

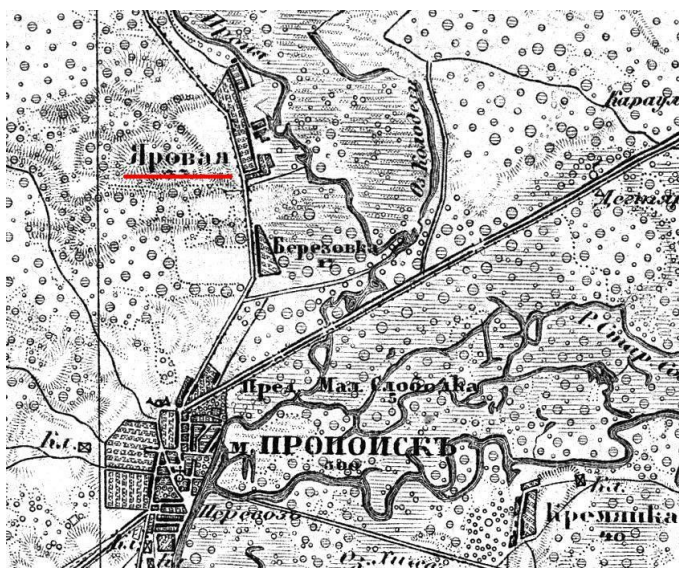
И приде Акунъ с варягы, и бѣ Акунъ съ *лвнѣ*, и *луда* у него *златомъ истькана*. И приде ко Ярославу, и Ярославъ съ Акуномъ поиде на Мьстислава. Мьстиславъ же, слышавъ, изииде противу има къ Листьвну. Мьстиславъ же **с вечера исполчи дружину**, и постави сѣверъ въ чело противу варягомъ, а самъ ста с дружиною своею по крилома. И бывъши **нощи, бысть тма, и громове, и молнья и дождь**. И рече Мьстиславъ дружинѣ своей: „Поидемъ на нѣ“. И поиде Мьстиславъ и Ярославъ противу, и съступишася въ чело варязѣ съ сѣверомъ, и трудишася варязи, сѣкуще сѣверъ, и по семъ наступи Мьстиславъ с дружиною своею и нача сѣчи варягы. И бысть **сѣча силна, яко посвѣтяше мьльня и блисташася оружья, и бѣ гроза велика** и сѣча силна и страшна. Видѣвъ же Ярославъ, яко побѣжаемъ естъ, и побѣже съ Якуномъ, княземъ варяжкимъ, и Акунъ ту **отбѣже луды златое**. А Ярослав же приде к Новугороду, а Акунъ иде за море. Мьстиславъ же, о светѣ *заутра* [...] видѣ лежачи исѣчены от своихъ сѣврѣ и варягы Ярославлѣ, и рече: „Кто сему не рад? Се лежитъ сѣверянинъ, а се варягъ, а своя дружина цѣла“. И посла Мьстиславъ по Ярославѣ, глаголя: „Сѣди ты на столѣ своемъ Киевѣ, понеже ты еси старѣй братъ, а мнѣ буди *ся* сторона“. И не смѣяше Ярославъ в Киевѣ ити, донележе смиристася. И сѣдяше Ярославъ в **Новѣгородѣ**, и бяху сѣдяще в Киевѣ мужи Ярославлѣ. В том же лѣтѣ родися у Ярослава другой сынъ, и нарече имя ему **Изяславъ**».

Вот и посмотрим, что получится, если Ярослав шёл на ту битву из Новогрудка, а не из Новгорода. Для начала отметим, что такая встреча вполне могла бы произойти в районе Могилёва, посередине между Черниговом и Новогрудком. У нас как раз там топоним Лудчицы на карте отмечен, а восточнее и Мстиславль имеется. Топонимов «князи» здесь больше, чем где либо, да и название Могилёва вполне логично увязать с некой серьёзной битвой.

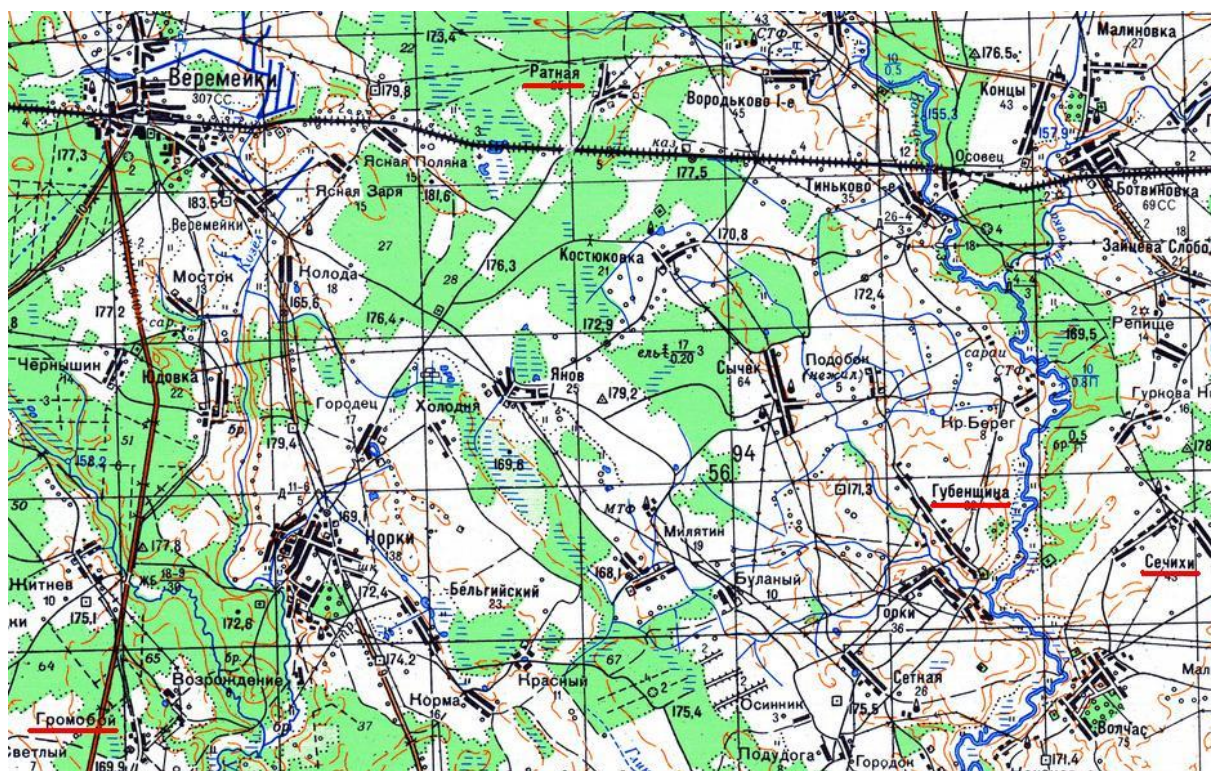
Посмотрим топонимию вблизи Могилёва и Лудчиц более внимательно и с прицелом на возможные следы летописных событий. Для начала поищем на карте Белоруссии деревни с названиями «терять» и «искать». Много ли их, и есть ли похожие у наших Лудчиц. Оказывается, топонимов типа Терехи, Терешки, Тетери у нас много, но явно слово «терять» есть только в одном. Это деревня Потеряевка. И деревня Искань тоже лишь одна. Находятся обе они как раз у «потерянных» Лудчиц. Более глубокий анализ выявил потрясающий букет топонимов, буквально повторяющий текст летописи.

Мстислав на карте присутствует явно. С Ярославом несколько туманнее, Яровая, Яришовка, Славня. А вот встреча князей посередине, и это не Листвин, а Литвиново. Сегодня это Литвиново, но раньше может как раз Листвиновым и было, как те Малюшичи на старых картах Малюшицами. Почти вплотную друг к другу на карте Брянск, Баранцы, Ратная, Сечи́хи,

или мифологические события. Есть, конечно, группы другого рода, однако речь сейчас не о них.

Деревня Яровка сохранилась лишь на карте [Шуберта](#)

Вот так выглядит сам эпицентр сражения в топонимах

Курганы на поле битвы

Поскольку наша ниточка снова не оборвалась, а наоборот добавила в копилку весомый аргумент, будем идти по следу дальше. Все затронутые нами события вокруг Новгорода так плотно сплетены в один клубок, что разматывать его следует либо целиком, либо никак. Если заменять великокняжеский стол в Новгороде Новогрудком, то очень много привязок придётся ещё порвать. Порвать-то, конечно, легко, а вот найти им убедительную замену куда сложнее. Впрочем, глядя на обилие ярких топонимических свидетельств правоты сведений Длугоша и Стрыйковского, можно ожидать не просто равнозначной замены. Можно рассчитывать и на явно выигрышные.

Рассмотрим ещё некоторые подробности всё тех же ушибов между киевскими и полоцкими князьями. После битвы на Немиге полоцкий князь Всеслав был заточён в киевскую темницу. Однако уже в следующем году у Руси появился новый противник — половцы. После тяжёлого поражения от них, киевляне взбунтовались, освободили заточённого Всеслава, а князь Изяслав Ярославович, бежал к ляхам. Это тот самый Изяслав, который родился во время пребывания Ярослава в Новогрудке. Через год Изяслав вернулся с войском и ночью перед битвой закоренелый грабитель Всеслав, бросив киевлян, тайно сбежал из своего лагеря в Полоцк. Он и после этого пытался грабить Новгород, но снова был бит [7, 8]:

«Въ лѣто 6577 [1069]. Приде Изяславъ съ Ляхы, а Всѣслав бѣжа Полотъску; и погоре Подолие. Въ то же лѣто, осень, мѣсяця октября въ 23, на святого Якова брата господня, въ пятничи, въ час 6 дни, опять приде Все [...] къ Новугороду; новгородци же поставиша пълъкъ противу ихъ, у **Звѣринця** на **Къземли**; и пособи богъ **Глѣбу князю** съ новгородци. О, велика бяше сѣця Вожняномъ, и паде ихъ бещисльное число; а самого князя отпустиши бога дѣля».

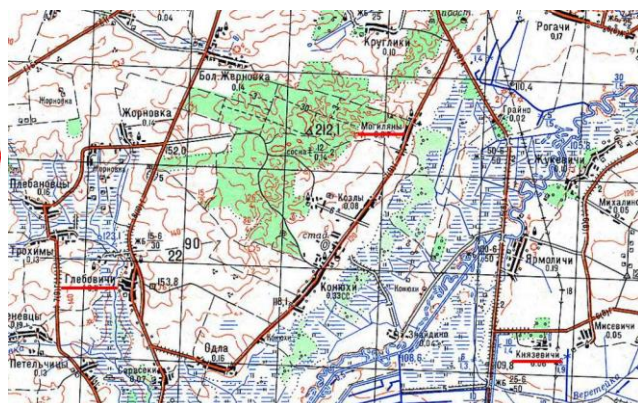
Эту битву, как все другие, [привязывают](#) к Новгороду Великому. Ведь считается, что именно там княжили и Владимир, и Ярослав. Там сохранилась святая София, которую дескать и пытался разграбить полоцкий князь Всеслав. Там же в Новгороде, княжил дескать и Глеб Святославович. Лишь битва на Немиге, Стрыйковский с Длугошем да наша топонимия портят всю картину, недвусмысленно указывая на Новогрудок. Местом битвы принимается небольшая речушка, точнее даже ручеёк Гзень, который когда-то был в Новгороде. Ручеёк маленький, около 3 км длиной, но у его устья находится [Зверин-Покровский монастырь](#). Считается, что раньше здесь был княжеский лес Зверинец. Правда само это предположение основывается как раз на приведённом фрагменте летописи — если место битвы известно, то почему бы и не быть там Зверинцу в древности.

А что же у Новогрудка, можно ли указать здесь речку Кземль и Зверинец? Может следы князя Глеба и битвы здесь тоже найдутся. Для начала посмотрим топонимы «глеб» в Белоруссии. Их немало и охватывают они большую территорию. Есть даже и могила князя Глеба в топонимах.

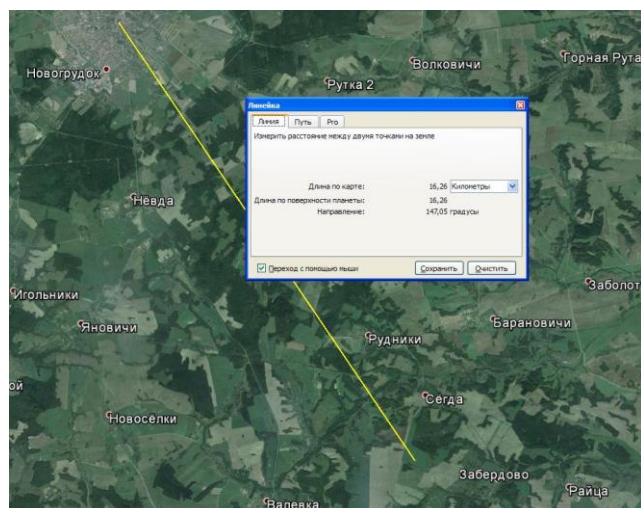
В названии реки Кземль явно присутствует слово «земля». Новгородская Гзень хоть и созвучна, но такого корня не имеет. А вот у Новогрудка речка с таким же корнем в названии есть. Это река Земчатка, в 16 километрах от города. Если исчезнувшая Гзень имела ничтожную длину около 3 км, то Земчатка намного больше, около 20 км. Но не размер речушки, заслужившей упоминания в летописи, имеет для нас значение, важно, что на ней действительно имеется Зверинец. Это поле рядом с деревней Франтишково, или как её местные жители называют, Печищами. Оно находится прямо между рукавами истока Земчатки. На современной карте оно уже не обозначено, однако зафиксировано и на польской карте, и на карте Генштаба РККА.

Князь Глеб на карте

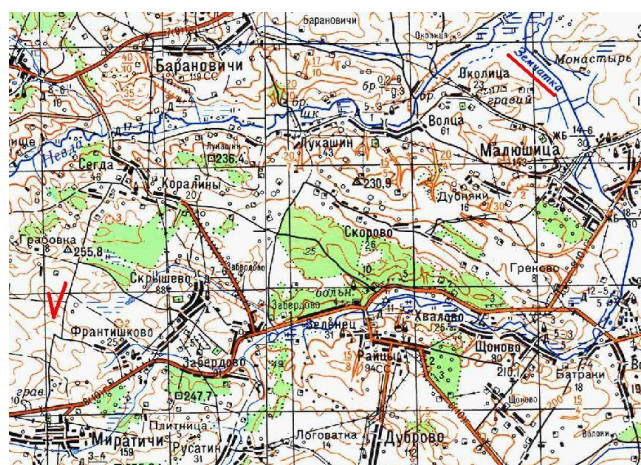
Могила князя Глеба в топонимах

Зверинец недалеко от Новогрудка

Зверинец на карте РККА 1940 г.

Зверинец на современной карте

Зверинец на польской карте

А на краю поля Зверинец сохранились древние курганы, они [охраняются](#) государством. И датируются они как раз интересующим нас временем. Если та битва была здесь, то похоронили погибших воинов прямо на краю поля боя у ближайшего леса. Курганы здесь

сразу несколько, и летопись говорит о множестве погибших. Прямо у самих курганов начинается речушка, это один из истоков Земчатки. Ещё один пробивается возле Свитязи в Миратичах, другой у деревни Белые Луги. Все три они сливаются в моей деревне Забердово. Справа от кургана виден небольшой омут или болотце. Его местные зовут «Лужок». На другом краю поля Зверинец, у Франтишково, ещё один ручеёк истока Земчатки:

Курганы у Зверинца и Земчатки

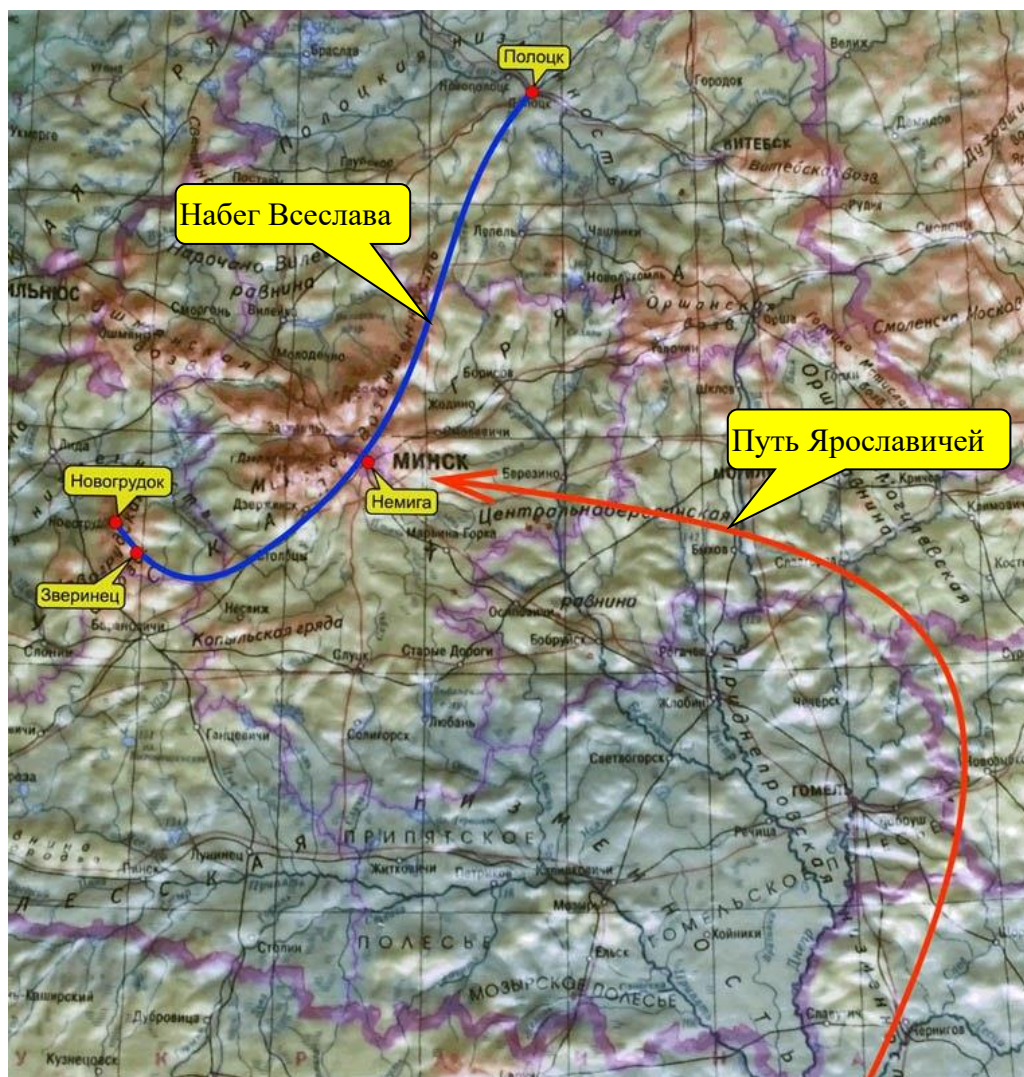
Курганы в охранным документе

Вполне можно предположить, что деревня Грабовка неподалёку, точно так же, как и соседние Печища, своё название слегка изменила. Нет там грабовых лесов, зато есть курганные могильники, и это гробы той самой битвы.

**Вот так выглядят край поля Зверинец с кургана и сами курганы с поля.
Между ними заметно начало Земчатки**

Походы Всеслава на Новогрудок теперь можно изобразить на карте. Путь этот идёт от Полоцка, через Минскую возвышенность, через Столбцы и на Новогрудок. Это наиболее удобный путь, чтобы не увязнуть в болотах Налибокской пущи, дорога и сегодня идёт именно так. Проходит этот путь и через Немигу, и через Зверинец. Ярославичи из Киева вынуждены огибать Полесье и перехватывают Всеслава под Минском. Новогрудцы с князем Глебом дают бой на подступах к городу. Следов князя Глеба на нашей земле осталось много, а вот следов Всеслава совсем не заметно. Видно, недобрую оставил он здесь память.

Походы Всеслава на Новгород

Волхв и епископ

Между тем, следует указать, что в отношении князя Глеба, разбившего Всеслава на Зверинце, действительно есть веские основания для привязки к Новгороду Великому. В ПВЛ есть такой яркий эпизод, относящийся к его пребыванию в Новгороде:

«Сиде бысть волхвъ всталъ при Глѣбѣ в Новѣгородѣ; глаголашеть бо людемъ и творяшеть бо ся аки богѣмъ, и многы прельсти, мало не весь городъ, глаголаше бо, яко „Все ведаю“, хуля вѣру крестьянскую, глаголашеть бо, яко „Преиду по Волхову предъ всеми“. И бысть мятежь в городѣ, и вси яша ему вѣру и хотя побѣдити епископа. Епископъ же, вземъ крестъ и оболкъся в ризы, ста, рекъ: „Иже хочеть вѣру яти волхву, да за нь идетъ, аще ли вѣруеть кто кресту, да идетъ к нему“. И раздѣлишася надвое: князь бо Глѣбъ и дружина его стаха у епископа, а люде вси идоша за волхва. И бысть мятежь великъ вельми. Глѣбъ же, возма топоръ подъ скуть, и приде к волхву и рече ему: „То веси ли, что утрѣ хочеть быти, что ли до вечера?“ Онъ же рече: „Все вѣдаю“. И рече Глѣбъ: „То вѣси ли, что *ти* хочеть днесь быти?“ Онъ же рече: „Чюдеса велика створю“. Глѣбъ же, выня топоръ, и ростя ѿ, и паде мертвъ, и людие разиидошася. Он же погибе тѣломъ и душею предався дьяволу».

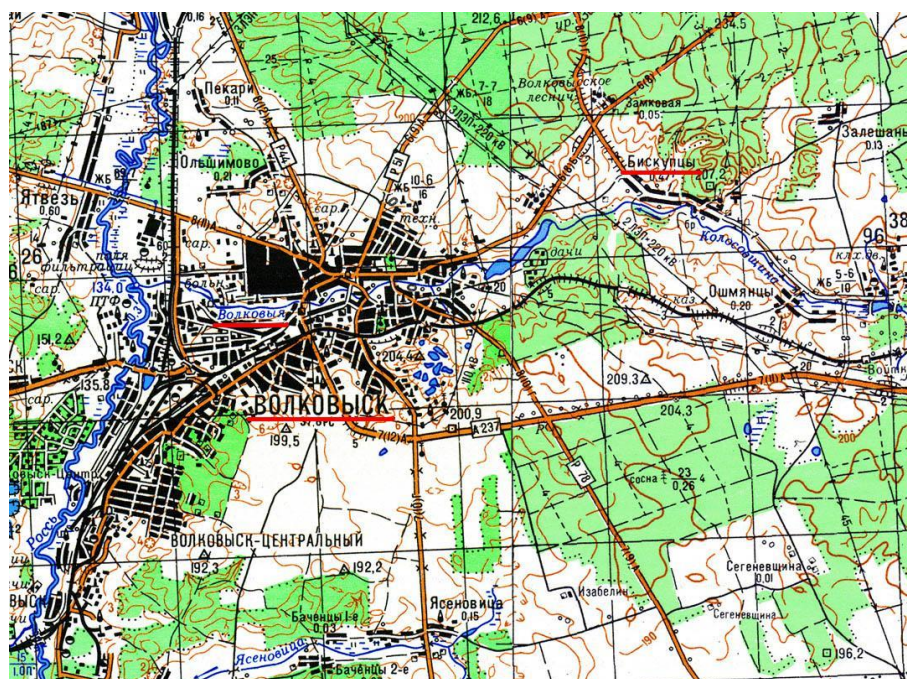
Летопись рассказывает о мятеже в Новгороде, когда людей увлѣк за собой волхв, хулящий православную веру. Против волхва выступил епископ, пытаясь образумить народ. Вопрос решил князь Глеб. После того как волхв заявил, что знает будущее и завтра чудеса сотворит, князь просто зарубил волхва. Не знал он будущее, оказывается, обманывал людей.

Уж казалось, какие сомнения могут быть, ведь чётко и ясно упомянута река Волхов. На этом все споры можно и заканчивать. Разве есть в Белоруссии Волхов? Какими бы красивыми ни были гроздья топонимов, как бы ни совпадали они с описанием событий, а место княжения Глеба указано чётко и однозначно. Остаётся лишь оправдываться, что князь Глеб не всё время дома сидел, мог и на Волхове оказаться. Или всё-таки есть под Новогрудком своя река Волхов? Ведь не зря же здесь такое топонимическое изобилие с невероятными совпадениями. Может повезёт ещё раз, в совсем уж безнадёжной ситуации. Только простое созвучие нас уже не устроит, после того как мы сами раскритиковали опору на простые созвучия у Гзени и Ладоги. Тут аргумент твёрдый нужен, иначе это будет явной натяжкой.

Поищем-ка в топонимии этого волхва на некоем Волхове и епископа напротив него. У Новгорода всё просто, река Волхов и на ней город с таким же названием. Это как раз тот волхв, и лишь епископа здесь не хватает. Но кое-что можно указать и возле Новогрудка. Читаем в древнем документе 1440 года с названием [«Хождение на Флорентийский собор неизвестного суздальца»](#) такие строки о Волковыске:

«А от Порозова до **Волховыска** четыре мили. От **Волховыска** до Немана пять миль».

Есть-таки волхв на белорусской земле. Вовсе не какие-то особые местные волки дали название городу, а всё те же волхвы. Кстати, слова «воховать», «волшевать», «волошба» и «ворожба» от тех же волхвов происходят. Есть у нас ещё один город с подобным названием, это Воложин. Но мы сейчас о Волковыске, не тот ли волхв, которого князь Глеб зарубил. Нет ли там реки Волхов и епископа при ней?

Волхв и епископ на Волхове

Как видим, через город протекает река Волхов или Волховья, в соответствии с указанием древнего документа. Но главное для нас то, что здесь же находится и епископ, причём прямо у волхва. Ведь бискуп это как раз епископ и есть. Назвать это ещё одной случайностью просто нереально. Вопрос лишь в том, это само место событий, или это место их топонимической фиксации. Мы ведь уже поняли, что топонимия нашими предками активно применялась в роли письменности. Может ли такой письменностью любой другой народ похвастать?

Брячислав и Рогнеда

Ещё до Всеслава его отец Брячислав тоже пытался грабить Новогрудок. Князю Ярославу тогда приходилось на перехват налётчиков так же из Киева выступать:

«В [лѣто 6529](#). Приде Брячиславъ, сынъ Изяславъ, внукъ Володимеръ, на Новъгородъ, и зая Новъгородъ, поимъ множество новгородецъ, имѣние ихъ, поиде Полотъску опять. И пришедшу ему к **Судмири рѣцѣ**, Ярославъ [...] выиде ис Киева **въ 7 день** постиже и ту. И побѣди Ярославъ Брячислава и новъгородцѣ [...] **вороти** [...] к Новугороду, а Брячиславъ бѣжа къ Полотъску».

В этом случае летопись сообщает нам о великом полоне, который Брячислав хотел вместе с имуществом угнать в Полоцк. Но Ярослав перехватил его у реки Судмири и людей вернул в Новогрудок. Будучи уверенным в том, что речь идёт о Великом Новгороде, Карамзин указал в качестве Судмири реку Судома в районе Пскова. С тех пор именно она и считается местом перехвата. Исследователей удивляет лишь то, что Ярослав сумел от Киева до Пскова дойти за семь дней. Но эту странность не считают принципиальной.

Мы же можем предложить более внятный вариант. Реки с названием Судмирь у нас конечно же нет. Но если Брячислав идёт на Новогрудок тем же путём, что и позже его сын Всеслав, а это наиболее рациональный путь, то перехватили его явно на реке Миранка. Здесь точно такая же ситуация, как и с рекой Кземль, наша Миранка совпадает по смыслу, где основу составляет слово «мир», а Судома лишь созвучна. У истока Миранки как раз есть деревня с названием Воротище, а неподалёку западнее, деревни Полонечка и Вольно. Эти названия явно с тем перехваченным полоном перекликаются. Причём лежат все они на том же пути от Полоцка через Столбцы на Зверинец и Новогрудок. Таким образом Брячислав успел лишь собрать тот полон и перегнать его на расстояние порядка 45 км, как был встречен киевской дружиной.

Вскрытые нами факты туго вписываются в популярную теорию полоцких истоков белорусской государственности, где проживают даже не славяне, а славянизированные балты. Генеалогия белорусских князей подаётся так: Рогволод, Изяслав, Брячислав и Всеслав. Ну а роль матери Отечества давно отведена Рогнеде. Идиллию свободного и счастливого развития нации разрушил чужак Владимир, погубивший Рогволода и поработивший Рогнеду. И вдруг оказывается, что Владимир и Ярослав на нашей земле вовсе не пришельцы, они корнями с ней теснейшим образом связаны и следов в топонимах оставили множество. А вот от полоцких князей никакого следа и не осталось, кроме тех грабительских набегов на новогрудчину. Вовсе не чужие земли они грабили во имя отцовского края, а наши же. Потому оценки их в этом аспекте придётся решительно пересмотреть, да и с памятниками повременить. Их следовало бы как раз общерусским князьям устанавливать, да святорусским богатырям, всё тот же Новогрудок от врагов защищавших. Причём, судя по всему, от того самого Миндовга, на установку памятника, которому в Новогрудке сейчас средства собирают. Примечательно, что авторская публикация в прессе по следам русских былин, вызвала яростную отповедь в местном псевдоисторическом альманахе «Дзяды», целых 12 страниц в шестом выпуске не пожалели. Не хочется этим людям видеть на нашей земле русских богатырей да князей. Им литовские милее, да польские. Идея установить памятник княгине Ольге в Витебске, который по легенде ею же и основан, вызвала резкое противодействие всех местных русофобов. Легенда эта основана на так называемой [Витебской летописи](#), составленной на польском языке в 1768 году. Перевод звучит так:

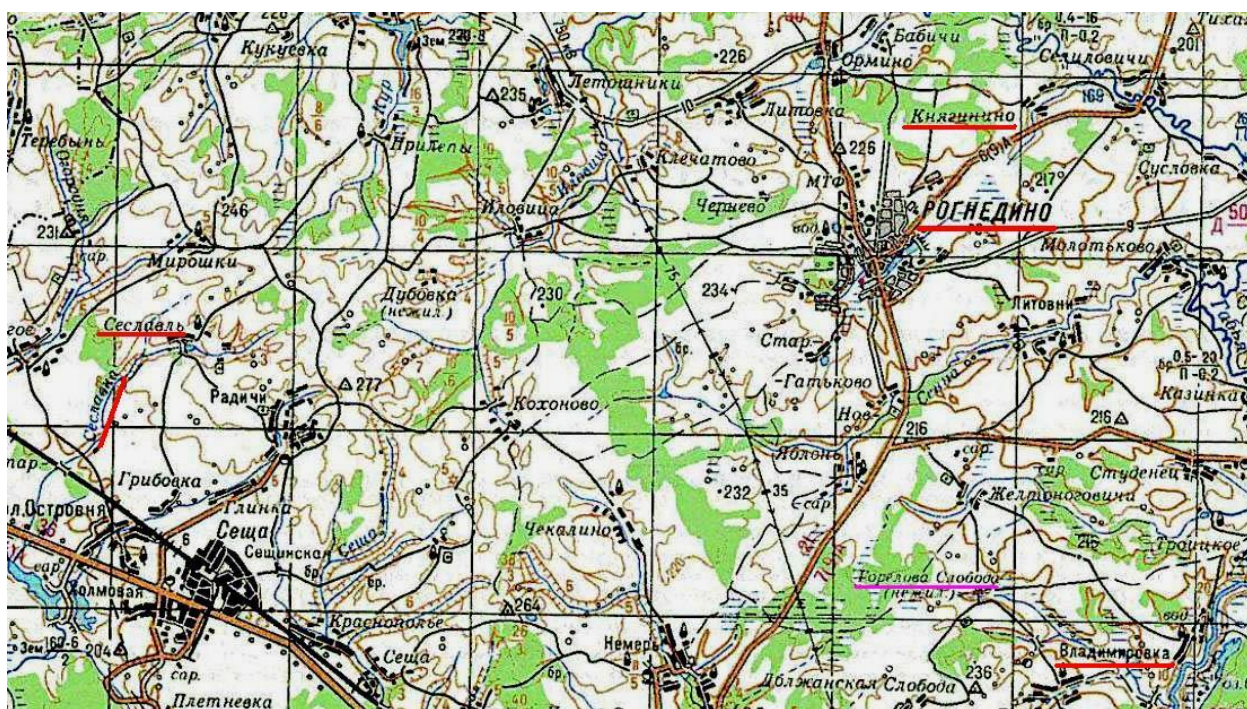
«В лето 974 Ольга, победив ятвягов и печенегов, переправилась чрез реку Двину и с войском заночевала. Понравилась ей гора, и она основала деревянный замок, назвав его, от реки Витьбы, Витебском; построила в Верхнем замке каменную церковь святого Михаила, а в нижнем — Благовещения и, пробыв два года, отправилась в Киев».

Ещё одно свидетельство найдено в атласе полоцкой губернии, составленном в самом Полоцке в 1777 году. Там в описании губернии [сказано](#):

«Оной город начало своё имеет от российской княгини Ольги, которая в 914 году проезжала в Киев через оное место и ночевала на горе, где и велела на той горе строить город, и по реке Витьбе назвав Витебск».

Судя по всему, обе эти даты неточные и речь, скорее всего, идёт о 947 году, когда Ольга побывала в Новгороде и Пскове. Сведения из атласа повторяются ещё в одном документе, составленном уже после раздела Польши. Заметим, что привязка и князя Владимира к Новогрудку, и княгини Ольги к Витебску даётся в польских летописях. Их авторам нет никакого смысла приукрашивать русскую историю. Тем более, нельзя заподозрить их в стремлении искусственно спровоцировать интерес России к этим землям.

Примечательно, что и специалисты дали отрицательный отзыв в отношении памятника, нет мол доказательств, одна лишь легенда, да окраина Витебска с названием Ольгово. Однако мы же знаем, что в Риме чуть ли не сакральным местом считается памятник Ромулу и Рему с волчицей. Неужели там оснований для установки памятника оказалось больше? А впрочем, у нас уже и с Пушкиным [«ВОЮЮТ»](#)...

Следы Рогнеды в ссылке: Княгинино, Рогнедино, Владимировка и Сеславль с речкой Сеславкой

А вот следов столь милой всем этим активистам Рогнеды, на нашей земле не оказалось. Более того, они есть совсем в другом месте, в Брянской области. Там до ссылки Рогнеда едва ли бывала и следы в топонимах не будь той ссылки, там не появились бы, а они есть. Рогнеда, как сообщает летопись, пыталась убить спящего Владимира ножом, да не получилось. Разгневанный князь поначалу хотел казнить жену, но передумал и выслал её с сыном Изяславом подальше от столицы. Местом ссылки обычно называют город Заславль под Минском, а название с Изяславом и связывают. Однако мы уже видели, что здесь явно видны следы совсем другого Изяслава. Да и князя здесь совсем не те отмечены, что предлагает эта теория. Нет у нас в топонимах ни Рогволода, ни Рогнеды, ни Всеслава. На роль Брянислава правда Браслав претендует, но повторим, что одиночный топоним, когда за ним нет никакой отчётливой группы, истолковывать можно как угодно.

Так вот, под Брянском мы видим как раз группу топонимов именно с Рогнедой и связанных. Здесь и Рогнедино, и Княгинино, и Владимировка, и Сеславль с рекой Сеславкой. Здесь у Рогнеды первый внук родился. Он умер ещё в детстве, лет семи от роду. Звали его Всеславом, и памятником ему стал Сеславль вместе с речушкой. Известный нам Брянислав, это его младший брат.

Ольга и Владимир

Хотя специалисты так и не увидели оснований для установки памятника княгине Ольге, она, в отличие от Рогнеды, следы в топонимии оставила вполне заметные. Есть и Ольгово, и Ольжево, и Ольковичи, и Ольгиняны. Да и Владимир, в отличие от Рогволода, вполне заметен в топонимах. Нанесём их на карту для оценки общей ситуации.

В отношении топонимов «Ольга» мы видим привычную уже картину, они снова жмутся к северо-западной границе, но есть ещё пара у Витебска и один на юге. Владимир же напротив замечен в восточной части карты, и тоже есть пара у Витебска. Там же под Витебском больше всего наследил и Добрыня. Малуша на первый взгляд в топонимах с Владимиром и не пересекается. Не совсем понятен топоним Мольги, но он оказался вплотную к Ольжево и потому на картину уже никак не повлияет. Названия Смольгово и т. п. скорее связаны со смолой, нежели с Ольгой, во всяком случае никаких топонимических букетов возле них не нашлось, да и Ольгердово тоже явно перекликается с совсем другим именем. Попробуем определить, с какими летописными событиями все они могут быть связаны.

Княгиня Ольга на карте

Князь Владимир и воевода Добрыня

У Витебска Ольга оказалась вместе и с Владимиром, и с Добрыней, а вот ближе к Новогрудку, она как будто одна. Правда там есть две формы названия, «ольг» и «ольж». Это тоже может иметь значение. Заглянем в летописи.

В ранних летописях о происхождении Ольги сказано очень скупо:

«[В лѣто 6411](#). Игореви възрастъю, и хожаше по Олзѣ и слушаше его, и приведоша ему жену от Плескова, именемъ Ольгу».

О появлении Владимира там сказано так:

«Володимиръ бо бѣ от **Малуши, милостьницѣ Ольжины**; сестра же бѣ Добрыня, отецъ же бѣ има Малько Любчанинъ, и бѣ Добрыня уй Володимеру».

Подробности появляются лишь в довольно поздних текстах 15–16 веков:

«Володимир бо б от Малки, **ключниці** Олжины; Малка же б сестра Добрыне, и б Добрыня дядя Володимеру; и б роженіе Володимиру в **Будутине веси**; тамо бо в гнѣве отслала ея Олга, село бо бѣше ея тамо и умираючи даде его святей Богородици».

Житие святой великой княгини Ольги уточняет место её рождения:

«С(вя)тая и блаженная и великая княгиня Ольга руская родися во Плесковъской стране, в веси, зовомыя **Выбуто**».

«О имени же отца и матери писание нигде же не изъяви, но толико в повестех мнозех обношашеся о рождестве блаженныя княгини Ольги и о житии ея, яко **Выбуцкая** весь изнесе святую и породи».

Трудно сказать, на чём основаны эти поздние уточнения, во всяком случае, в это же время появляются и совсем другие варианты:

«[В лето 6411](#), Игореви же възрастъшю, и хожааше по Олзе и слоушааше его. И приведоша ему жену отъ Плескова, именемъ Олгоу. Нецыи же глаголють, **яко Олгова дчи бе Олга**».

«Новый Владимирский Летописец» даёт ещё более оригинальный вариант:

«[Игоря же](#) ожени [Олег] **въ Болгарехъ**, поять же за него княжну Ольгу».

В первой из них упоминается слух о том, что Ольга это дочь самого Олега. Князь Олег и его дочка Ольга, совсем как Рогволод и Рогнеда. Другая же летопись указывает родину Ольги и вовсе в Болгарии, а там город Плиска имел схожее написание. Ещё есть сведения и в Иоакимовской летописи, однако многими специалистами она признаётся подделкой.

Понятное дело, когда в столь чувствительном вопросе, находятся принципиальные разночтения, разгораются и споры. В конечном итоге основной стала Псковская версия, в которой под Выбутом или Выбутской весью понимается ныне не существующая деревня Лыбута. Она, судя по всему, некогда находилась в 12 километрах южнее Пскова. Пять столетий, прошедшие после написания «жития», породили множество местных преданий о знаменитой землячке. Буквально каждая деревня, каждый камень, так или иначе связывается с Ольгой. На этом камне она сидела, на том остался её след, а вот этот она бросила, когда на службу опаздывала. В летописи её собственностью названо село Ольжичи, а здесь есть схожая деревня Волженец. Здесь покажут и Ольгин ключ, и Ольгин берег, и Ольгин колодец, и Ольгины сады. Даже указатель деревни «Выбуты» установлен. Много написано и об обширной «ольгинской топонимике», под которой, как оказывается, понимают буквально все местные названия. Это и деревня Горки, и Иерусалимовка, Покровское, Беклеша. Их с Ольгой ничто кроме культивируемых преданий и не связывает. Некогда существовавшая Лыбута, да Волженец, неподалёку деревня Князево, а ещё дальше на юг Мольги. Собственно, и всё.

Владимир же родился в некоем селе Будутино или Будутиной веси, куда была сослана провинившаяся Малуша. Село принадлежало княгине Ольге и таковым считается деревня Будник на южной окраине современного Пскова. Едва ли возможно указать некие топонимы, чтобы они действительно как-то перекликались с князем, но их вполне заменяют предания. Здесь непременно покажут камень, который точно де указывает место рождения князя, или деревню Плаксино, тоже якобы связанную с этим событием. Иными словами, кроме местных преданий нет практически ничего.

Вот на этом фоне и рассмотрим «ольгинскую топонимию» Белоруссии. Для начала отметим, что топонимов с названиями реально созвучными имени княгини у нас более чем достаточно. Есть и целые букеты, вполне соответствующие летописным сюжетам. К примеру, неподалёку от северо-западной границы на карте отмечена деревня Ольгиняны. Западным её соседом является посёлок Мали, а на севере, на таком же удалении располагается деревня Чернишки. Чуть северо-восточнее той сразу пара деревень, Ключники и соседняя Малюта. Мы ведь помним, что Малуша была у Ольги то ли ключницей, то ли раздатчицей милостыни, иными словами, её чернавкой. Так на Руси называли подобную должность. У Пушкина есть соответствующие строчки:

Бросив зеркальце под лавку,
Позвала к себе чернавку
И наказывает ей,
Сенной девушке своей...

Синонимами слова «чернавка» [указывается](#) служанка, горничная, прислужница, либо просто смуглая девушка. Таким образом букет получился неплохой. Однако ещё более интересная группа расположилась западнее Новогрудка у города Лида. Здесь сразу три небольших речки носят название Чернявка. Есть и Ольговцы и Ольжево. На карте Шуберта даже Ольжевская пуша указана, но от неё практически ничего не осталось. В качестве летописного Плескова ничуть не хуже болгарской Плиски или нашего русского Пскова выступает деревня Плясовичи. Деревни с точным названием Выбуты здесь тоже нет, но Гимбуты и Нарбуты выглядят ничуть не хуже, чем та якобы исчезнувшая Лыбута. Кстати,

подобных названий здесь много. Здесь тесно связанными оказываются и Новогрудок, и Малушицы с Любчей, и родина самой Ольги. Легко понять, как Малуша оказалась в прислужниках у Ольги, а её брат Добрыня на военной службе у князя. Ольга наверняка ведь находилась при сыне в том Немогарде, в котором начинал по словам византийского императора княжить Святослав, т. е. в Новогрудке. От Малко Любчанина и самой Любчи в двух шагах.

Но в этой группе главными оказались не просто сами совпадения. Мы ведь уже отметили целый ряд версий происхождения Ольги в летописях. Есть и псковская версия, и болгарская, и даже в дочери Олегу её записывают. Как бы теперь ни анализировали те источники, выявляя наиболее надёжный, всё равно ведь остаётся сомнение и в надёжности самого анализа, и в причинах летописной путаницы. А вот если одна из имеющихся версий сама объясняет причины появления остальных, то это выглядит куда основательней.

Буквально рядом с Плясовичами находится и Ольжево, и Гимбуты, и Княжиковцы. Здесь пока ничего особенного нет, хотя совпадение неплохое. Но всё дело в том, что Плясовичи стоят прямо у истока реки со звучным названием Нарва. А восточнее Княжиковцев расположилась деревня Дунай на небольшом ручейке. Недалеко есть ещё одна деревня Дунай и речка с таким же названием. Это соседство многое и объясняет. Узнав о реке Нарва, летописец мог нисколько не сомневаться, что речь идёт о Пскове. Всем нам известная река Нарва севернее Пскова и протекает. Белорусские земли для Руси на тот период времени были потеряны, потому даже и не рассматривались. У летописца просто не было о них сведений. Но и оснований для сомнений в общем-то не было. А вот другой летописец выяснил, что недалеко от родины Ольги находится Дунай, и с полной уверенностью мог указывать на Болгарию. Он и указал, причём вовсе не потому, что писал отсебятину. У него были все основания для такого утверждения.

© Николай Чубрик
http://nikolai.chubrik.ru

Княгиня Ольга и Вещий Олег

© Николай Чубрик
http://nikolai.chubrik.ru

Будутина весь и рождение князя Владимира

Но и это не всё. Здесь кроме названия Ольговцы, есть и вариант Ольжево, а это прямо перекликается с именем Олег в так называемом звательном падеже. Брат — брате, друг — друже, Бог — Боже, Олег — Олеже либо Ольже. В летописях имя Олега зачастую даётся кратким — «хожаше по Олзѣ и слушаше его», «Олгова дчи бе Олга». А вот звательный падеж от Ольги, звучит как Ольго. Поэтому мы наверняка нашли то место, где отмечены и князь Олег, и княгиня Ольга. Значит сообщение о родстве Олега и Ольги появилось тоже не на пустом месте.

Нелишним будет заметить, что из скандинавских имён Helgi или Helga, что приписываются сторонниками норманнской теории Олегу и Ольге, вариант Ольже никак не получится. А ведь в том, что Ольгу при жизни звали не славянским, а скандинавским именем, они уверены настолько, что на месте той деревни Лыбута проводят ежегодный фестиваль «Хельга». И пусть летописи называют княгиню исключительно Ольгой, но накал страстей

вокруг норманизма столь высок, что любая возможность подчеркнуть свой вариант немедленно используется. Даже вопреки здравому смыслу.

Однако наши топонимы могут нанести серьёзный удар по всем этим норманнским построениям. Мы уже нашли следы Гардарик совсем не там, где их указывает та теория. Теперь мы видим следы имён, но явно в славянском варианте, хотя тот же Сигурд, Ульв и Астрид следы оставили вполне скандинавские. Так они и по тексту скандинавы. А вот с Олегом это скорее домыслы. Потому и топоним получился славянским.

Наконец, нелишне заметить и то, что князь Олег в тексте летописи прослеживается в трёх местах. Первоначально он вместе с Рюриком находится «за морем», далее они оказываются в Ладоге и строят Великий Новгород, наконец Олег приходит в Киев, где и княжит до конца жизни. Итак, три места — заморье, Ладога и Киев. Но какое из этих трёх мест представляют окрестности Лиды и Новогрудка? Вот и варяжский князь Якун оказался в таком же положении. По летописи он находился в том же заморье, пока его не позвал Ярослав на битву с братом. Следовательно, для Якуна указаны лишь два места, это заморье и само место битвы. Битва оставила свои следы под Могилёвом. Что же означают его топонимические следы северо-западнее Новогрудка, какое из этих двух мест?

Полтора столетия назад состоялся знаменитый [диспут](#) между Костомаровым и Погодиным о варягах. Погодин отстаивал норманнскую версию, а Костомаров указывал как раз на Неман, Россь и на Литву. Костомаров имел успех, но его гипотеза развития не получила и сегодня забыта. Теперь и это уже история, а история развивается по спирали...

Но здесь лучше продолжить наш анализ, а не начинать новую тему. Рассмотрим топонимы вблизи Витебска. Ведь если у Лиды оказалось место рождения княгини Ольги, то у Витебска следует искать место ссылки провинившейся Малуши и рождения князя Владимира. Есть ли там следы этих событий? Малуша была сослана в некое имение Ольги, а легенда говорит о том, что Витебск Ольгой и был основан. Здесь всё пока соответствует, да и топоним Ольгово присутствует. Владимир тут тоже отмечен и вместе с воеводой Добрыней. Но можно ли указать Малушу и ту Будутину весь, где она родила Владимира. Поищем подходящие топонимы и посмотрим, что получится.

А получилось просто замечательно. Опальная гостья здесь отмечена не только как черница, за ней самой теперь няньки бегают, здесь она оказывается Черногостница. Прямо у сосланной черницы-гостьи мы видим и искомую Будутину весь. Это деревня Будилово, а рядом озеро Будовесь и речка с таким же названием. Просто идеальное совпадение и по названию, и по расположению. Именно здесь «черногостья» и родила нам великого князя.

Подчеркнём, мы ведь не саму Будовесь по карте искали, мы по следу княгини шли, к Добрыне с князем присматривались, а нашли весь сюжет. Так что у витебской легенды об основании города княгиней Ольгой явно были источники. Подтверждается она не только топонимом Ольгово, на который указывали давно, но целым букетом, где отпечаталось важнейшее для нас летописное событие. Так что зря отказались от памятника княгине. Теперь там должен стоять памятник и ей, и князю Владимиру.

Свидетельства археологии

Археологические исследования Великого Новгорода идут весьма активно. Уникальный местный грунт позволил сохранить для нас такую жемчужину нашей истории, как берестяные грамоты, значение которых невозможно переоценить. Огромный объём изысканий позволил накопить значительный материал. А вот Новогрудку повезло гораздо меньше. Его статус заурядного городка на окраине Руси не давал даже поводов к серьёзным изысканиям. Его час пришёл в 1957 году, когда здесь начались раскопки М. К. Каргером, П. А. Раппопортом, М. А. Ткачёвым, Ф. Д. Гуревич. Результаты этих работ изложены в [книге](#) Фриды Давыдовны Гуревич «Древний Новогрудок».

В самом начале книги автор сообщает:

«Археологические исследования в Новогрудке с самого начала показали, что задолго до того времени, когда он был впервые упомянут в летописи, здесь существовал древнерусский город. Письменные свидетельства о Новогрудке не начинали, а как бы завершали его историю».

На протяжении всей книги автор неоднократно отмечает исключительный характер местных находок, категорически не соответствующий статусу поселения:

«Находки оконного стекла в гражданском строительстве Древней Руси крайне редки. Новогрудок в этом отношении представляет исключение» [с. 11].

Далее на странице 123 автор снова говорит об этом:

«Новогрудские стеклянные окна домонгольской поры тем более удивительны, что на Руси даже в XVI в. такие окна были редкостью. Многочисленные сообщения иностранных путешественников XVI—XVII вв. содержат известия, что в русских жилых постройках употреблялись „волоковые — задвигавшиеся доской — и слюдяные окна“. „До Петра Великого, — пишет И. Е. Забелин, — даже в царском дворце стекла не были в большом употреблении, их вполне заменяла слюда, известная с глубокой древности“».

В Киеве того времени окна застеклены только в великокняжеском дворе.

Новогрудок дал много поводов для удивления. Здесь найдена богатейшая коллекция византийской посуды, расписанной золотом. Кроме византийских присутствуют сосуды из Ирана и кубки из Сирии. Есть сосуды аналогичные найденным в Киево-Печерской Лавре. Отмечается, что здесь были часты богатые пиры. Далее на странице 152 снова повторяется:

«Удивительная коллекция новогрудской стеклянной посуды не имеет себе равных среди материалов других древнерусских городов. [...] На рисунках Радзивилловской летописи нередко можно видеть изображения кубков на княжеских столах. Форма их сходна с формой новогрудских кубков».

Напомним, что своё название Радзивилловская летопись получила от имеющейся в конце её приписки на латыни. В ней сказано, что летопись была подарена князю Янушу Радзивиллу новогрудским каштеляном Станиславом Зеновичем. Таким образом, летопись не только рисунками перекликается с Новогрудком. Её первое зафиксированное местонахождение это как раз и есть Новогрудок. Западнорусский диалект этой летописи отмечал ещё Шахматов. Если все эти совпадения не случайны, то следует предположить, что летопись в Новогрудке и написана.

А ещё в Новогрудке была найдена уникальная резная чаша с фигурами льва и грифона, а также деревом жизни. Такие изделия, часто называемые чашей святой Ядвиги, были характерны для римской империи, а позже Византии. Их считают коронационными кубками. Не каждая столица может похвастаться таким атрибутом собственной значимости. Киев и Новгород тоже не могут.

«В XII—XIII вв. Новогрудок наводнён импортными изделиями. Город, который по размерам своих укреплённых частей (2,5 га) принадлежал к небольшим и в котором была раскопана площадь около 2000 м², по находкам предметов роскоши соперничает с прославленными древнерусскими городами, а в ряде случаев является обладателем уникальных вещей» [с. 154].

Впрочем, автор сама указывает, что датировку находок, как правило, проводили путём сопоставления с аналогичными предметами в Новгороде.

Здесь найден шёлковый пояс и нити для вышивания золотом. Фрагменты шёлка найдены и в Гродно. Связь Новогрудка с Гродно и Волковысском отмечается не раз.

Но не только стеклянные окна и уникальная посуда удивляют Фриду Давыдовну. Не менее удивительными оказались некие непонятные «богатые дома». Их стены оштукатурены, имеют богатую роспись и фрески. На одном из кусков штукатурки сохранилось изображение головы человека в княжеской шапке. Кроме князей никто таких шапок не носил (с. 38). Не менее удивительно ещё и то, что рисунки на штукатурке не имеют следов копоти, хотя в том же Новгороде до 15 века дымохода не знали (с. 124). Отмечается, что эти новгородские дома перекликаются с описанием богатых жилищ в летописях и былинах (с. 125).

А ещё в этих «богатых домах» находились многочисленные ювелирные мастерские. Аналоги обнаружены лишь в Киеве при великокняжеском дворе. В других городах они единичны. Редкость они и в Польше того времени (с. 133–134). Объяснение всему этому удивительному феномену Фрида Давыдовна видит в том, что здесь мог находиться цеховой центр златокузнецов. Ещё один такой центр, но поменьше, ей видится в Гродно, нами отождествлённом с Альдейгъюборгом скандинавских саг. В новгородском «центре золотопромышленников» почему-то очень хорошо развита ещё и обработка кости и рога. Автор поясняет, что ранее такие центры на Руси не фиксировались. А ещё оказывается, что город жил явно не по средствам.

«Все до сих пор известные мастерские представляют собой небольшие и небогатые полуземлянки или наземные постройки. Даже в том случае, когда ювелирная мастерская занимала значительную площадь, как это было в Новгороде, она не может идти ни в какое сравнение с богатыми постройками Новогрудка» [с. 130].

«Бросается в глаза несоответствие между уровнем, а также объёмом развития златокузнечного дела и тем набором вещей, который обнаружен в домах. Могли ли новгородские ювелиры с их, если так можно выразиться, средним уровнем мастерства изготавливать продукцию, эквивалентную многочисленным амфорам или таким раритетам, как стеклянные сосуды? Ведь даже в домах киевских ремесленников, т. е. в центре Древней Руси, создававших выдающиеся образцы ювелирного ремесла, ничего подобного не наблюдалось. Известно, правда, что средневековые ювелиры были богатыми людьми, но богатство богатству рознь. Чем же тогда объяснить богатство хозяев больших домов?» [с. 131].

А ведь действительно, вся эта новгородская уникальность должна иметь чёткое и понятное объяснение. Не мог же этот город развиваться по другим законам и совершенно иначе, чем все другие сопоставимые с ним города Древней Руси. Впрочем, ответ на все эти удивительные загадки у нас уже есть. Фрида Давыдовна исходила из того, что все эти находки принадлежат провинциальному городку на далёкой окраине русских земель. К тому же дреговичи, как мы помним, по всем учебникам показаны племенем малозначительным, в истории Руси ничем не примечательным. Считается, что в состав Руси они попали очень поздно и как-то незаметно. Потому городок в земле дреговичей с таким набором потрясающих артефактов заставляет искать гипотезы, выходящие из ряда вон. К слову, гипотеза о цеховом центре златокузнецов развития так и не получила. Феномен так и остался без объяснения.

Однако мы уже знаем, что статус этого города стоял вровень с Киевом. **Здесь находился великокняжеский стол.** Потому и находки здесь сопоставимы лишь с Киевом, да ещё и фору дают. А вот новгородские аналоги оказываются несравнимо беднее просто потому, что Новгород вовсе не имел того статуса, что ему традиционно приписывают.

Потерянная София

Остаётся нерешённым лишь вопрос о той самой святой Софии, которую разграбил Всеслав Чародей. Ведь в Новогрудке подобной церкви не выявлено, а в Новгороде София есть, и вся наша цепочка рассуждений снова ломается. Однако это «есть» не доказывает, что именно та самая, а «нет» вовсе не означает, что никогда и не было. Когда-то в Новогрудке был величественный замок, однако от него практически ничего не осталось. Некогда в Новогрудке Борисоглебская церковь была построена в классическом византийском стиле. Однако сегодняшний вид её не имеет ничего общего с тем прежним:

Борисоглебская церковь сегодня

Реконструкция изначального вида

Новогрудку в плане церквей вообще не повезло. Православный город после татаро-литовского нашествия середины 13 века достался язычникам, а позже католикам. Борьба с православием рассматривалась пришельцами как одна из наиболее важных задач. Достаточно ознакомиться с [дневниками](#) Афанасия Брестского или [перепиской](#) между униатским архиепископом Кунцевичем и канцлером ВКЛ Львом Сапегой, чтобы понять, насколько жестоким и бескомпромиссным был курс на истребление самой памяти о православном прошлом этой русской земли. Можно также сравнить сегодняшний вид полоцкой Софии с её первоначальным обликом. У них тоже не осталось практически ничего общего. Чтобы восстановить прежний облик, пришлось бы попросту снести его до фундамента, потому всерьёз [рассматривается вопрос](#) о строительстве нового храма, копии той древней Софии. Только строить его предполагается уже в Витебске.

Плоцкая София сегодня

Реконструкция изначального вида

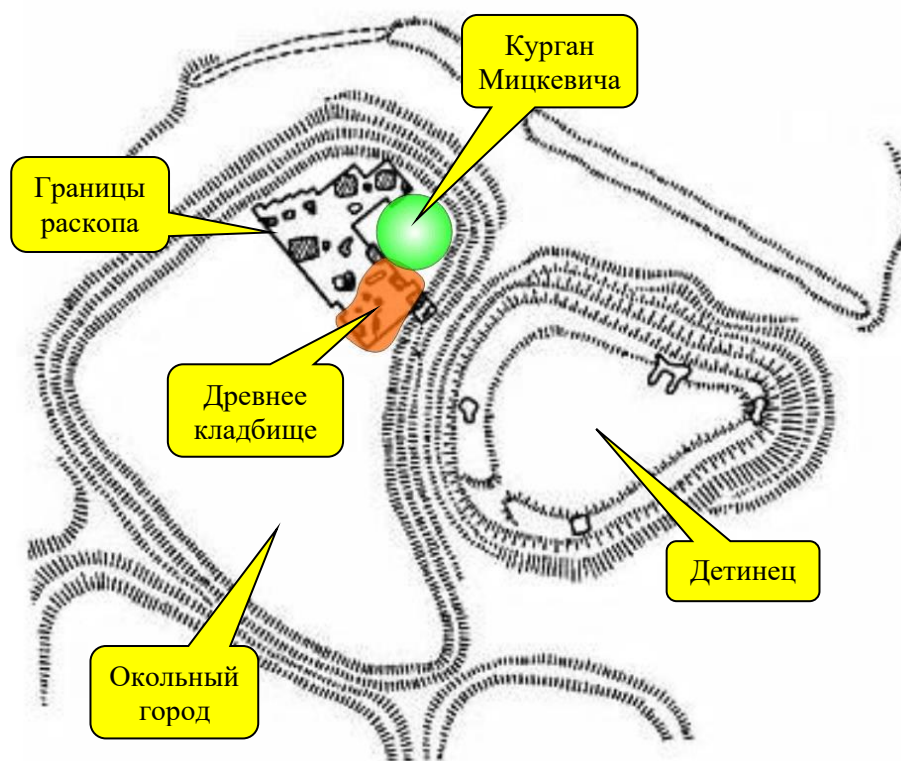
Отсутствие Софии в Новогрудке наверняка означает лишь то, что она снесена до самого основания. Её разрушение начал ещё Всеслав, а пришельцы довершили работу. Но археологические её следы быть, конечно, должны. Объём археологических изысканий в Новогрудке в сравнении с Новгородом ничтожно мал. Экспедицией Гуревич было раскопано около 2000 м² вблизи мемориального кургана А. Мицкевичу, оказавшемуся прямо у края площадки. Прямо к кургану прилегает найденное при раскопках кладбище (с. 134–135).

«Несколько сложнее решить, имели ли новогрудские златокузнецы патрональную церковь. Остатки храма на территории окольного города пока не обнаружены. Тем не менее он должен был существовать. [...]»

С начала XII в. значительная часть окружённой валом и крайне ограниченной территории, столь нужной растущему городу, отводится под христианское кладбище... Соседство богатых жилищ и кладбища оправдано лишь в том случае, если последнее предназначалось для узкого круга прихожан... Это было привилегированное кладбище».

Несомненно, захоронения в черте окольного города на чрезвычайно ограниченной площадке, могут принадлежать только очень влиятельным особам, а при таком кладбище, как отмечает Фрида Давыдовна, просто обязана быть церковь. Мы уже отмечали наличие посуды, аналогичной найденной в Киево-Печерской Лавре (с. 58). Скорее всего, храму принадлежали хоросы или паникадила, фрагменты которых тоже были найдены (с. 58). В храмах же хранились и многие из кубков святой Ядвиги (с. 79). При раскопках были найдены фрагменты плитки, предположительно храмовой (с. 81–82). Так где же сам храм?

Можно высказать по этому поводу следующее предположение. Софийская церковь, несомненно, должна была стоять на самом видном месте, а княжеские захоронения располагаться у стен её или внутри. Однако именно на самом видном месте во времена Пилсудского был насыпан курган Мицкевича. А древнее кладбище найдено как раз рядом с ним. Следует ожидать, что под курганом и скрыты следы древней Софии, хотя доказательства тому могут дать лишь археологи.

План раскопок окольного города в Новогрудке в 1957–77 гг.

Последние штрихи

Земли новгородчины некогда принадлежали племени дреговичей. Здесь же рядом проходила их граница с ятвягами. В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона о дреговичах [сказано так](#):

«Дреговичи — одно из племён русских славян, жившее между Припятью и Двиною. Под именем другувитов (δρουγῳνίται) Дреговичи известны уже Константину Порфирородному как племя, подчинённое Руси. Находясь в стороне от великого варяжского пути, **Дреговичи не играли видной роли** в истории Древней Руси. Летопись упоминает только, что Дреговичи имели некогда своё княжение. Подчинение Д[реговичей] киевским князьям произошло, вероятно, очень рано. В области Дреговичей образовалось впоследствии княжество Туровское».

Действительно, ПВЛ дреговичей практически не упоминает, они названы трижды лишь в недатированной части при перечислении племён и только один в описании событий, причём событий уже очень поздних. Кривичи названы 12 раз, поляне и словены по 23 раза, древляне 45 раз. Даже чудь и литва упоминаются гораздо чаще дреговичей. Ни в призвании руси, ни в походах русских князей дреговичи не фигурируют. [Ничего не сказано](#) и о том, как они вообще в составе Руси очутились. Но с другой стороны дреговичей нет и в списке племён, платящих дань, причём как варягам, так и хазарам. Они не призывают русь, но и среди покорённых Русью славян они тоже не названы — просто некие невидимки. Неудивительно, что на такой почве выросли теории о нерусском статусе этих территорий, а из них и вовсе, об извечной вражде между предками белорусского народа и Русью. Белорусов пытаются показать то балтами, то поляками, то некими непонятными литвинами.

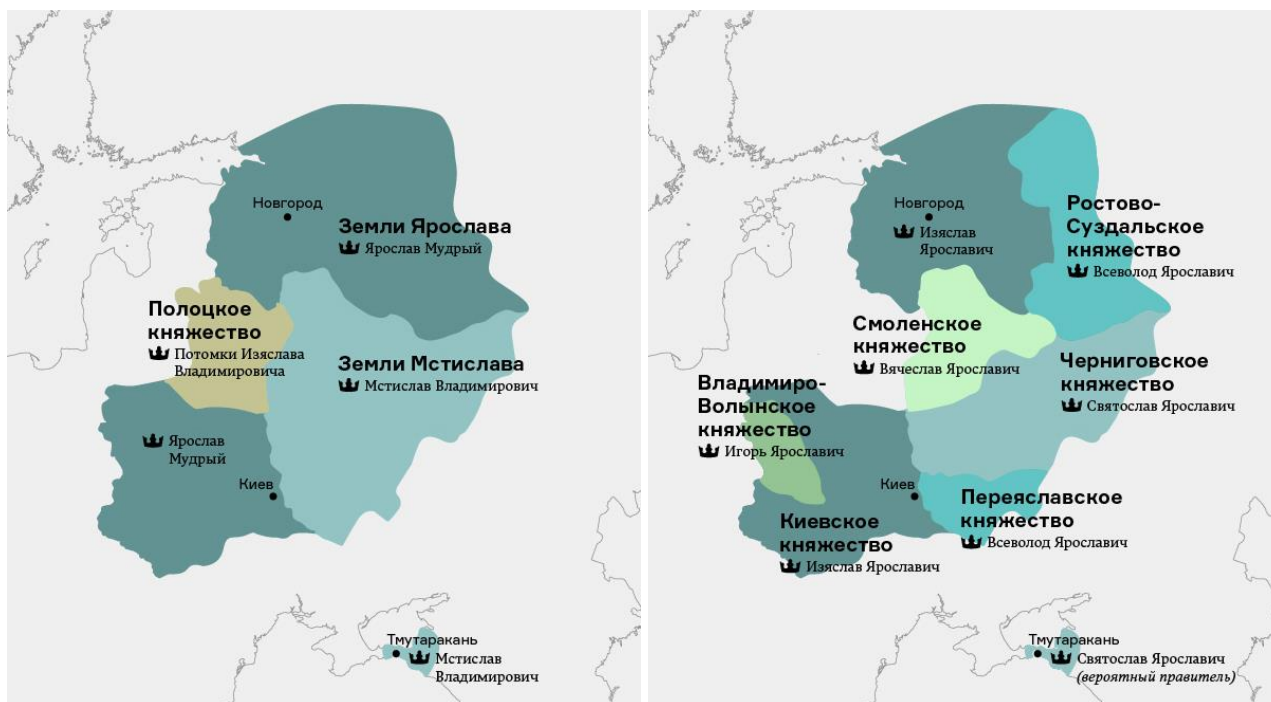
Однако не только непонятный статус дреговичей, выглядел странно. Мы уже отмечали не менее странные перемещения русских князей в их стычках. Разбитого под Киевом князя Святополка дружина в носилках переправляет почему-то под Брест и это притом, что битва была якобы на восточном берегу Днепра. Им пришлось с князем в носилках переправляться через Днепр, а потом ещё и полесские топи как-то преодолеть. Но Святополк так боится погони Ярослава, что требует бежать дальше, к ляхам. От Бреста в поисках погони даже дозор высылали, пробежав уже целых 500 вёрст. И непонятно, куда слать дозор, где ту погоню на таких пространствах искать. И зачем им прорываться через топи под Брест, если бегут к ляхам?!

Да и князь Ярослав, будучи разбитым на Буге, бежит аж в Новгород, и намерен бежать ещё дальше. А ведь между Бугом и Новгородом целиком Франция поместилась бы, причём в любом ракурсе. Почему же в Европе проигравшие не убегают так далеко и зачем русским князьям такие гигантские переходы? И почему в той битве на Буге снова не оказалось дреговичей?

«В лѣто 6526. Поиде Болеславъ съ Святополкомъ на Ярослава с ляхы, Ярославъ же множество совокупи **руси, варягы, словены**, поиде противу Болеславу и Святополку. И приде *Волюню*, и стаща оба поль рѣкы Буга».

Ладно уж в походы с князем дреговичи не ходят, но теперь князь сам к ним пришёл, непонятную русь и заморских варягов привёл, словен прихватил, а дреговичам словно и дела нет. А если они всё же в той битве участвуют, то под каким именем из названных трёх? Варяги они, словены или русь?

Не менее странным выглядит и распределение земель между князьями Киевской Руси. И Владимир, и Ярослав начинали своё княжение в Новгороде, и только потом занимали стол в Киеве. Византийские источники говорят, что эту традицию начал ещё Святослав. В этом, казалось бы, нет ничего особенного, однако и после занятия киевского стола они зачастую сохраняют за собой прежнее новгородское княжение. В результате можно [найти](#) вот такие странные карты распределения земель между князьями, где они сидят буквально на двух стульях. Совершенно непонятно, как князь осуществляет контроль над оторванными друг от друга наделами, да ещё во время частых раздоров. Неужели князьям трудно было распределить земли более разумно?

Двойные наделы русских князей

Легко понять, что и эти противоречия тоже надуманы, всё выглядит гораздо проще и реалистичнее. И летописные княжеские переходы оказались куда скромнее, и дозор Святополк высылал не за тридевять земель, и страхи у князей совсем не преувеличены. От Буга до Новогрудка совсем недалеко, а уж от Бреста до места битвы вообще рукой подать. И не было у киевских князей столь причудливо разорванных владений, земли новогрудчины с киевскими составляют одно целое. А вместе с нелепым разрывом исчезает непонятное белое пятно на земле дреговичей. Они и на этой карте ведь бесхозными оказались. Киевским князьям якобы совсем не до них, а в Новгород и обратно они то ли «соколом перелетают», то ли «волком перерыскивают».

Вместе с этим белым пятном на земле дреговичей, как утренний туман под лучами солнца, растворяются чьи-то надежды противопоставить белорусский народ остальной Руси. Да и как это вообще можно было сделать, коли в буквальном смысле «там русский дух... там Русью пахнет». Однако такой поворот дел далеко не всем понравится. И весьма символично, что прорывать эту многовековую осаду чужаками нашей земли выпало святорусскому богатырю. Ведь именно по его следу мы шли в этом поиске, а потому и результаты видим потрясающие. Разметал богатырь всё вражье воинство: «где направо махнёт — там улица, а налево махнёт — переулочек». Знать, не иссякла его сила богатырская.

Чубрик Николай Аркадьевич

16.07.2015 г.
Минск